

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Александр Блок

ЛИРИКА

Лирика // Детская литература, Москва, 2001
ISBN: 5-08-004020-3
FB2: Padma, 31.01.2015, version 1.0
UUID: 3F574B94-6711-4AF4-8B1C-CBE0B3006204-0
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Александрович Блок

Лирика

(Школьная библиотека (Детская
литература))

Сборник лирических произведений одного из крупнейших поэтов серебряного века. В него вошли стихотворения из циклов «Город», «Снежная Маска», «Возмездие», «Ямбы», «Родина» и др.

Содержание

#1	0007
Русская Муза Александра Блока	0007
Из книги первой (1898–1904)	0035
#1	0037
Ante Lucem (1898–1900) С.-Петербург – с. Шахматово	0036
Стихи о Прекрасной Даме (1901–1902)	0040
Распутья (1902–1904) С.-Петербург – Bad Nauheim – с. Шахматово	0088
Из книги второй (1904–1908)	0106
#1	0108
Вступление	0107
Пузыри земли (1904–1905)	0109
Разные стихотворения (1904–1908)	0119
Город (1904–1908)	0154
Снежная маска (1907)	0183
Фаина (1906–1908)	0196
Из книги третьей (1907–1916)	0227
#1	0229
Страшный мир (1909–1916)	0228
Возмездие (1908–1913)	0272
Ямбы (1907–1914)	0286
Итальянские стихи (1909)	0297
Разные стихотворения (1908–1916)	0311
Арфы и скрипки (1908–1916)	0341

Кармен (1914)	0375
Родина (1907–1916)	0385
Из стихотворений, не вошедших в основное собрание	0417

**Александр Александрович
Блок
Лирика**

Autism

1880 - 1921

Русская Муза Александра Блока[1]

Начало жизни Александра Блока (1880–1921) не предвещало того драматического напряжения, каким она будет исполнена в его зрелые годы. Поэт впоследствии писал в одной статье о «музыке старых русских семей», в этих словах звучала благодарная память об атмосфере дома, где рос он сам, о «светлом» деде с материнской стороны – Андрее Николаевиче Бекетове, знаменитом ботанике и либеральном ректоре Петербургского университета, как и вся семья, души не чаявшем во внуке. Бекетовы были равнодушны к литературе, не только много читали, но и сами писали стихи и прозу или, во всяком случае, занимались переводами.

Одно из первых стихотворений, выученных мальчиком наизусть, – «Качка в бурю» Якова Полонского. Оно, может быть, привлекло его потому, что в некоторых строфах словно бы отразилась беспечальная обстановка его собственного детства:

*Свет лампы на подушках;
На гардинах свет луны...
О каких-то все игрушках
Золотые сны.*

Ребенком было весело декламировать выразительные строки о налетевшем шквале:

*Гром и шум. Корабль качает;
Море темное кипит;
Ветер парус обрывает
И в снастях свистит.*

Взрослым же Блок оказался свидетелем огромных и грозных исторических бурь, которые то окрыляли его поэзию, то перехватывали ее дыхание.

Поначалу он писал лирические стихи, где было ощутимо влияние и Жуковского, и Полонского, и Фета, и Апухтина – поэтов, далеких от «злобы дня». Но летом 1901 года студентом Петербургского университета Блок познакомился с лирикой оригинального философа Владимира Соловьева и почувствовал в ней нечто близкое тому «волнению беспокойному и неопределенному», которое начинал испытывать сам. Близкий поэтам, которым подражал юноша, Соловьев, однако, резко от-

личался от них смутным, мистически окрашенным, но напряженным и грозным предчувствием каких-то близящихся мировых потрясений. «О Русь, забудь былую славу. Орел двуглавый сокрушен...» – пророчил он еще в «тихое» царствование Александра III, хотя причину гибели империи усматривал в грядущем нашествии азиатских племен.

Поэт-философ оказался предтечей русского символизма, верившего, что действительность, окружающая жизнь – это лишь некий покров, за которым скрывается что-то неизмеримо более значительное. «...Все видимое нами – только отблеск, только тени от незримого очами», – писал Соловьев. Реальные же события и явления трактовались как символы – знаки, сигналы, подаваемые о происходящем в ином, идеальном мире.

Под влиянием соловьевских стихов и теорий увлечение Блока дочерью знаменитого ученого, Любовью Дмитриевной Менделеевой, жившей по соседству с бекетовской подмосковной усадьбой Шахматово, принимает мистически-таинственный, экзальтированный характер. Сказочно преображается, ми-

фологизируется и сама «статная девушка в розовом платье, с тяжелой золотой косой», какой она предстала перед поэтом, и вся окружающая среднерусская природа, ближний лес и холмы, за которыми располагалось менделеевское Боблово:

*Ты горшишь над высокой горою,
Недоступна в Своем терему...*

Восторженному влюбленному чудится, что девушка, знакомая с детских лет (и вскоре, в 1903 году, ставшая его женой), таинственно связана с воспетой Соловьевым Вечной Женственностью, Софией, Мировой Душой, грядущей в мир, чтобы чудесно преобразить его. Встречи с возлюбленной, томительное их ожидание, размолвки и примирения истолковываются мистически и приобретают неожиданные очертания, остро драматизируясь и полнясь глухой тревогой, порождаемой разнообразными соприкосновениями с действительностью.

Блок, как сказано в его стихах этой поры, «жизнью шумящей нестройно взволнован». Тут и смутно ощущаемый разлад в мирном

прежде бекетовском семействе, и напряженные, трудные отношения с отцом – профессором Варшавского университета А. Л. Блоком, талантливым ученым, но крайне неуравновешенным человеком. А главное, как ни сторонится юный поэт политики, бурных студенческих сходок, как ни далека от него крестьянская жизнь и порой возникающие где-то в ближних селах волнения, как ни высокомерен тон его стихов о том, что «кругом о злате и о хлебе народы шумные кричат», – «шум» этот все же в какой-то мере влияет на рисующиеся Блоку картины конца света и истории, приближения Страшного Суда.

*Будет день, и распахнутся двери,
Вереница белая пройдет.
Будут страшны, будут несказан-
ны
Неземные маски лиц...*

В более позднем блоковском стихотворении на образ Мадонны, создаваемый в келье иконописца, ложатся «огнекрасные» отсветы близящейся грозы. Нечто похожее происходит и в первой книге поэта «Стихи о Прекрасной Даме», где тоже «весь горизонт в огне» и

образ героини претерпевает самые разные метаморфозы, то озаряясь нездешним светом, то настораживая и пугая:

*Убегаю в прошедшие миги,
Закрываю от страха глаза,
На листах холодеющей книги —
Золотая девичья коса.*

*Надо мной небосвод уже низок,
Темный сон тяготеет в груди.
Мой конец, предначертанный бли-
зок,
И война, и пожар – впереди.*

Конкретная портретная черточка, делавшая в других стихах образ возлюбленной особенно пленительным («Молодая, с золотой косою, с ясной, открытой душою...»), тут обращивается тревожным видением, чувственным соблазном, который грозит и душевным мраком, «темным сном», и чередой катастрофических событий.

Говоря о естественности сближения автора «Стихов о Прекрасной Даме» с так называемыми молодыми символистами (в отличие от старших – К. Бальмонта, В. Брюсова, З. Гиппи-

ус, В. Иванова, Д. Мережковского, Ф. Сологуба), Борис Пастернак писал, что в ту пору, на рубеже XIX и XX веков, «символистом была действительность, которая вся была в переходах и брожении; вся что-то скорее значила, нежели составляла, и скорее служила симптомом и знамением, нежели удовлетворяла». И сам Блок уже на исходе жизни утверждал, что символисты «оказались по преимуществу носителями духа времени».

Однако в отличие от других «молодых» – Андрея Белого (Бориса Николаевича Бугаева) и Сергея Соловьева (племянника поэта-философа) – Блок был меньше связан умозрительными построениями В. Соловьева. Перечитывая «Стихи о Прекрасной Даме», Пастернак отмечал в них «сильное проникновение жизни в схему». Уже в стихах 1901 года «Брожу в стенах монастыря...» говорилось:

*Мне странен холод здешних стен
И непонятна жизни бедность.
Меня пугает сонный плен
И братий мертвенная бледность.*

В то время как блоковская книга была воспринята как одно из программных произведе-

дений символизма, сам автор начинал, по его собственным словам, искать «на другом берегу» и временами даже резко, вызываясь отмежевывался от «братий». «Монастырские» нравы символистского круга, имитация религиозной экзальтации, ложная многозначительность (или, по блоковскому выражению, «истерическое захлебывание „глубинами“, которые быстро мелеют, и литературное подмигивание») были едко осмеяны поэтом в нашумевшей пьесе «Балаганчик».

И если прежде, как сказано в его стихах, «брата брат из дальних келий извещал: „Хвала!“ – и Андрей Белый превозносил произведения ровесника до небес, то теперь из тех же „келий“ раздавалась по адресу автора „Балаганчика“ хула, обвинения в кощунстве и измене соловьевским заветам.

Впрочем, не было более сурового критика блоковских стихов, чем... сам их автор. Если свою вторую книгу „Нечаянная Радость“ он сразу после ее выхода именовал „Отчаянной Гадостью“ еще в шутку, то годы спустя уже совершенно серьезно писал, что терпеть ее не может („за отдельными исключениями“), и

уподоблял „болотистому лесу“.

Тем не менее новый сборник был для поэта выходом из той „лирической уединенности“, в которой, по его собственному определению, рождалась первая книга. И сам образ болота, столь критически переосмысленный впоследствии с оглядкой на все пережитое, в пору создания „Нечаянной Радости“ служил антитезой возвышенной „уединенности“ „Стихов о Прекрасной Даме“, их отстраненности от „жизни шумящей“.

В отзыве того же времени о книге одного из „братьев“, Сергея Соловьева, Блок столь непримиримо писал о проявившемся в ней „полном презрении ко всему миру природы... полном пренебрежении к внешнему миру и происходящей отсюда зрительной слепоте“ едва ли не потому, что сам чувствовал эту подстерегавшую и его опасность.

Почти вызывающе противопоставляет поэт преследующей его (как пишет Блок матери) «проклятой отвлеченности» самую «низменную» конкретность родной природы – «небо, серое, как мужицкий тулуп, без голубых просветов, без роз небесных, летающих

на землю от германской зари, без тонкого профиля замка над горизонтом». «Здесь от края и до края – чахлый кустарник, – говорится в его статье 1905 года „Девушка розовой калитки и муравьиный царь“. – Пропадешь в нем, а любишь его смертной любовью. Выйдешь в кусты, станешь на болоте. И ничего-то больше не надо. Золото, золото где-то в недрах поет».

Заметно обостряется зрение поэта, различающего в знакомых с детства шахматовских окрестностях «лиловые склоны оврага», «золотые опилки», летящие из-под пилы, и «зарю» осенней рябины, подсказавшей ему про-никновенный образ красавицы – родной природы:

*И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной ру-
кав.*

В блоковских стихах возникают причудливые существа – «болотные чертенятки», «твари весенние», образы которых почерпнуты из «леса народных поверий и суеверий», из той «руды», где, по выражению автора, «блещет

золото неподдельной поэзии» (тоже – «золото, золото где-то в недрах поет»!).

Порой еще образ родной земли предстает у поэта в несколько стилизованном, сказочно-фольклорном облики (так, в стихотворении «Русь» – «ведуны с ворожеями чаруют злаки на полях, и ведьмы тешатся с чертями в дорожных снеговых столбах»). Но вместе с тем в наиболее значительных его произведениях того же периода ощутимы «широкое дыхание», полная свобода и естественность:

*Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.*

Строки, близкие, даже чисто ритмически, и русской классике (например, лермонтовскому «Выхожу один я на дорогу...»), и раздольной народной песне.

Некоторые современники уже догадывались, какой путь открывается перед автором таких стихов. Поэт Сергей Городецкий писал, что тогда относительно Блока существовали две «формулы»: $B = б$ (где B – его творческий

потенциал, а б – уже написанное им) и $B = б + X$. «Этот X еще мелькает искорками... но несомненность его видна. Он мне представляется громадным...» – пророчески заключал Городецкий.

«Чую дали...» – говорится и в тогдашних стихах самого Блока.

Одна из этих «далей» – многообразная жизнь большого города, изображаемая поэтом и во всей своей горькой, хватающей за сердце обыденной неприкрашенности, с отчетливыми картинами петербургского быта, заставляющими вспоминать то Некрасова, то Достоевского, то Аполлона Григорьева («Окна во двор», «На чердаке», «В октябре»), и в причудливом фантастическом обрамлении, основанном, однако, на вполне реальных чертах тогдашней столицы и самоощущения современного человека («Незнакомка»).

*Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.*

Мы миновали все ворота

*И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.*

Слова, которыми озаглавлено стихотворение, начинающееся этими строками, – «Холодный день» – символ нового, трезвого и горького взгляда на жизнь. И все стихотворение – не о каком-то конкретном дне, а о духовном пути, проделанном поэтом от «храма» первой книги. Вскоре и герой блоковской пьесы «Песня Судьбы» Герман, чьи дом и обиход до деталей напоминают «благоуханную глушь» Шахматова, скажет жене: «Я понял, что мы одни, на блаженном острове, отделенные от всего мира. Разве можно жить так одиноко и счастливо?»

«Одно только делает человека человеком, – занесет поэт в дневник позже, – знание о социальном неравенстве».

Однако выход из «лирической уединенности», наступивший «холодный день» повлекли за собою не только плодотворное расширение круга жизненных наблюдений и поэтических тем, но и мучительные блуждания в поисках новых положительных ценностей: пре-

льщение индивидуалистическими настроениями и идеалами, разрушительный скепсис, разъедающая ирония – все то, что Блок впоследствии окрестил «болотистым лесом» и изобразил в стихотворении «Друзьям»:

*Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы преклонить!*

*Что делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!*

«Ненавижу свое декадентство», – писал поэт летом 1906 года и в то же время признавался, что порой «кокетничает» своими демоническими настроениями, своевольной свободой, прожиганием жизни.

«Я всех забыл, кого любил...», «Нет исхода из вьюг, И погибнуть мне весело...», «Весны не будет, и не надо...», «Словно сердце застывающее Закатилось навсегда...», «Верь мне, в

этом мире солнца Больше нет...», «Тайно сердце просит гибели...» – таковы главенствующие мотивы книги стихов «Снежная маска», героиня которой часто напоминает Снежную королеву (из знаменитой андерсеновской сказки, не случайно перечитывавшейся тогда Блоком), чьи леденящие поцелуи заставляют позабыть всех дотоле близких и любимых.

История влюбленности автора этой книги в одну из исполнительниц «Балаганчика» в театре Веры Федоровны Комиссаржевской – Н. Н. Волохову снова так неузнаваемо преображена, что сама актриса, по ее признанию, была «смущена звучанием трагической ноты, проходящей через все стихи». Веселое богемное время препровождение небольшого литературно-артистического кружка, легкая любовная игра, домашние маскарады – все это обернулось в книге грозными метелями, разгулом стихии, то освободительной и притягательной, то губительной и сложно соотносящейся с историческими бурями тех лет – кровавой драмой русско-японской войны, вспышкой революции, террором и реакцией.

Как тропинка, выводящая из «болотистого

леса», в центральном женском персонаже «Снежной маски» и последующего цикла «Фина» (то же имя носит и героиня «Песни Судьбы») начинают все явственнее проступать национальные русские черты:

*Но для меня неразделимы
С тобою – ночь, и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм веселых огоньки.*

«Они читают стихи»

*Какой это танец? Каким это светом
Ты дразнишь и манишь?
В кружении этом
Когда ты устанешь?
Чья песня? И звуки?
Чего я боюсь?
Щемящие звуки
И – вольная Русь?*

«О, что мне закатный румянец...»

Исподволь прорастает тема, которой, как скажет вскоре поэт, он посвящает жизнь, – тема России, мощно воплощенная уже в цикле «На поле Куликовом» и других стихотворени-

ях 1908–1910 годов, составивших основу раздела «Родина» в позднейшем собрании сочинений Блока («Россия», «Осенний день», «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?...», «На железной дороге»).

Страстная тяга к отчизне в самом скромном, неказистом ее обличье роднит автора этих стихов и с Лермонтовым, с его «странной любовью» не к громкой славе, а к «дрожащим огням печальных деревень», и с Тютчевым, и с Некрасовым:

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!*

«Россия»

После виртуозно-разнообразной, капризно-причудливой, под стать изменчивым настроениям автора, ритмики и строфики «Снежной маски» стихи зрелого Блока, составившие третий том его лирики, внешне выглядят куда более традиционными, не поражают эффектами. «...Русская муза Блока стоит теперь перед нами и нага, и нища, – писал по

выходе этого тома частый оппонент автора и вместе с тем чуткий его ценитель Андрей Белый, – но Блок ближе нам бронированной брюсовской формы, ивановских пышных роз и бальмонтовского блеска: он нищ, как... Россия».

Разумеется, это мнимая нищета. На самом деле речь идет о величайшей строгости поэтической формы, ее «незаметности» из-за точнейшего соответствия содержанию. Перечтем хотя бы далеко не самое известное стихотворение – «Осенний день»:

*Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.*

*Осенний день высок и тих,
Лишь слышно – ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.*

*Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лётном журавлиным...*

*Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?*

*И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...*

*О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?*

Скромнен не только безымянный спутник автора, скромна и вся обстановка, в которой «изливается душа» и которая недаром уподоблена сельской церкви. Скупыми, но безошибочно отобранными и впечатляющими штрихами рисуется далее осенний русский пейзаж, и все нарастает напряженная взволнованность и музыкальность стиха. Вот еще еле заметная, ненавязчивая аллитерация: «Мы взором пристальным следим за Лётом журавлиным... Летят, Летят косым углом...», в которой, быть может даже бессознательно, отра-

зилось воспоминание о журавлином клике – курлыканье. Вот все более явственные повторы и параллелизмы: «Вожак звенит и плачет... О чем звенит, о чем, о чем?... И низких нищих деревень не счесть, не смерить оком... О, нищая моя страна... О, бедная моя жена...»

В понятном стремлении охарактеризовать новый этап в творчестве Блока критика порой упрощала и огрубляла его содержание, утверждая, например, что «юный певец любви превратился в певца родины». На самом деле все обстояло неизмеримо сложнее.

Однажды, готовя стихи к печати, поэт записал: «Можно издать „песни личные“ и „песни объективные“. То-то забавно делить... сам черт ногу сломит». «Внешний» и «внутренний» мир, человек и современность, человек и история теснейшим образом связаны у Блока друг с другом.

Рисующийся в его лирике «страшный мир» – это не столько даже социальная действительность той поры, хотя поэт и впрямь относится к ней резко отрицательно, сколько трагический мир мятущейся, изверившейся и отчаявшейся души, испытывающей все воз-

растающее «атмосферное давление» эпохи:

*Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет Рос-
сии —
Забывать не в силах ничего.*

*... От дней войны, от дней свобо-
ды —
Кровавый отсвет в лицах есть.*

«Рожденные в года глухие...»

Определение «певец любви» применительно к Блоку выглядит особенно банально.

Конечно, у него немало стихов, покоряющих силой, чистотой, целомудрием запечатленного в них чувства, и недаром столь разные люди, как Федор Сологуб и Николай Гумилев, сравнивали Блока с Шиллером.

*Приближается звук. И, покорна
щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою
прежнюю руку,
Не дыша.*

Снится – снова я мальчик, и снова
любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне – колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие
ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от
краю до краю,
И окошко твое.

Этот голос – он твой, и его непо-
нятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю ми-
лую руку
Прижимая к губам.

«Приближается звук. И, покорна
щемящему звуку...»

Бросающаяся в глаза «неправильность»,
«разнобой» четных строк этого стихотворе-
ния, то предельно кратких («Не дыша»), то
вдруг удлинняющихся, замечательно передает
взволнованность и боль этого – поистине –
сновидения, счастливое и горестное «сердце-

биение» дорогих воспоминаний.

Выразителен ритмический «пульс» и другого стихотворения:

*Протекли за годами года,
И слепому и глупому мне
Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня нико-
гда...*

«Протекли за годами года...»

Последняя строка недаром трудно выговаривается: о *таком* ровно и спокойно не скажешь...

Но сколько же у «певца любви» иных стихов – о чудовищных метаморфозах, когда вместо настоящего чувства предстает лишь его кривляющаяся тень, торжествует «черная кровь» (примечательное название блоковского цикла) и между людьми и в их собственных душах разверзается «страшная пропасть»!

В стихотворении «Унижение» нагнетаются образы, казалось бы несовместимые с «нормальными» буднями публичного дома, но беспощадно обнажающие всю губительность,

бесчеловечность, кощунственность происходящего: эшафот, шествие на казнь, искаженные мукой черты на иконе...

Замечательна «оркестровка» стихотворения: с первых строк возникает особая нота – напряженный, несмолкающий звук («Желтый Зимний Закат За окном... на каЗнь осужденных поведут на Закате таком»), пронизывающий буквально все строфы и порой достигающий чрезвычайного драматизма:

Разве дом этот – дом в самом деле?

Разве так суждено меж людьми?

... Только губы с Запекшейся кровью

На иконе твоей Золотой

(Разве это мы Звали любовью?)

Преломились безумной чертой...

Нет, если уж уподоблять Блока певцу, то лишь так, как это сделала Анна Ахматова, назвав его в одном стихотворении «трагическим тенором эпохи». Не традиционным слащавым «душкой-тенором», как поясняла она сама, а совершенно иным, необычным – с голосом, полным глубокого драматизма, и

«страшным, дымным лицом» (эти слова из другого произведения Ахматовой перекликаются с собственными строками поэта о «кровоавом отсвете в лицах»).

Блок не только магнетически притягивал современников красотой и музыкальностью стиха («Незнакомку» твердили наизусть самые разные люди), но и потрясал бесстрашной искренностью, высокой «шиллеровской» человечностью и совестью.

Перед его глазами неотступно стояла «обреченных вереница», о которой говорилось еще в сравнительно ранних стихах, не позволяя «уйти в красивые уюты», прельститься надеждой на собственное, «личное» счастье, как бы оно ни манило. В стихотворении «Так. Буря этих лет прошла...» мысль о мужике, который после подавленной революции вновь понуро «поплелся бороздою сырой и черной», вроде бы готова отступить перед радужным соблазном любви, возврата в страну счастливых воспоминаний, но вкрадчивый зов «забыть о страшном мире» сурово и непреклонно отвергается поэтом.

Трагедия мировой войны отразилась в та-

ких стихах Блока, как «Петроградское небо мутилось дождем...», «Коршун», «Я не предал белое знамя...», оцененных критиками как «оазис в пустоте, выжженной барабанной бездарностью» казенно-патриотических виршей, и еще больше обострила у него любовь к родине и предчувствие неминуемых потрясений. Неудивительно, что все происшедшее в 1917 году он воспринял с самыми великими надеждами, хотя и не обольщался насчет того, чем грозило разбушевавшееся «море» (образ, издавна символизировавший у поэта грозную стихию, народ, историю). С замечательной искренностью выразил он свое тогдашнее умонастроение в стихотворном послании «З. Гиппиус»:

*Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне – бросаться в многопенный вал...*

Его нашумевшая поэма «Двенадцать», по выражению чуткого современника, академика С. Ф. Ольденбурга, осветила «и правду и неправду того, что совершилось». Дальнейшие же события Гражданской войны и «воен-

ного коммунизма» со всеми их тяготами, лишениями и унижениями привели Блока к глубокому разочарованию. «Но не эти дни мы звали», – сказано в его последнем стихотворении «Пушкинскому Дому». Его муза почти замолкает.

И все же даже в редких, последних «каплях» блоковской лирики сказалось бесконечно много: и благодарное преклонение перед жизнью, красотой, «родным для сердца звуком» отечественной культуры («Пушкинскому Дому»), и страстный порыв сквозь наставшую «непогоду» в «грядущие века», и прощальное напутствие собственным стихам, в котором вновь прозвучала столь дорогая ему мысль о неразрывности «объективного» и «личного», образовавшей драгоценный и неповторимый склад его поэзии. В надписи, сделанной на одном из своих последних сборников, подаренном героине цикла «Кармен», актрисе Л. А. Дельмас, он обращался к своим «песням» со словами:

*Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла,
Но нежной прихоти немного*

Иным из вас она дала...

Смерть Александра Блока глубоко потрясла самых разных людей.

«Наше солнце, в муках погасшее», – писала о покойном Анна Ахматова.

«У Блока не осталось детей... но у него осталось больше, и нет ни одного из новых поэтов, на кого б не упал луч его звезды, – отозвался на горестную весть другой замечательный писатель, Алексей Ремизов. – А звезда его – трепет слова его, как оно билось, трепет сердца Лермонтова и Некрасова – звезда его незакатна».

Она сияет и поныне.

Андрей Турков

Из книги первой (1898–1904)

Ante Lucem[2][3]

(1898–1900)

С.-Петербург – с. Шахматово

«Пусть светит месяц – ночь темна...»

Пусть светит месяц – ночь темна.

Пусть жизнь приносит людям счастье, —

В моей душе любви весна

Не сменит бурного ненастья.

Ночь распростерлась надо мной

И отвечает мертвым взглядом

На тусклый взор души больной,

Облитой острым, сладким ядом.

И тщетно, страсти затая,

В холодной мгле передрасветной

Среди толпы блуждаю я

С одной лишь думою заветной:

Пусть светит месяц – ночь темна.

Пусть жизнь приносит людям счастье, —

В моей душе любви весна

Не сменит бурного ненастья.

Январь 1898. С. – Петербург
«Луна проснулась. Город шумный...»
[4]

К. М. С.

*Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни,
Здесь все так тихо, там безумно,
Там все звенит, – а мы одни...
Но если б пламень этой встречи
Был пламень вечный и святой,
Не так лились бы наши речи,
Не так звучал бы голос твой!..
Ужель живут еще страданья,
И счастье может унести?
В час равнодушного свиданья
Мы вспомним грустное прости...
[5]*

14 декабря 1898
**«Мне снилась снова ты, в цветах, на
шумной сцене...»** [6]

*Мне снилась снова ты, в цветах,
на шумной сцене,
Безумная, как страсть, спокой-
ная, как сон,
А я, повергнутый, склонял свои*

колени
И думал: «Счастье там, я снова
покорен!»
Но ты, Офелия, смотрела на Гам-
лета
Без счастья, без любви, богиня
красоты,
А розы сыпались на бедного по-
эта,
И с розами лились, лились его
мечты...
Ты умерла, вся в розовом сияньи,
С цветами на груди, с цветами на
кудрях,
А я стоял в твоём благоуханьи,
С цветами на груди, на голове, в
руках...

23 декабря 1898

**Гамаюн, птица вещая [7]
(Картина В. Васнецова)**

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятен-
ных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,

*И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиися кровью!..*

23 февраля 1899

Стихи о Прекрасной Даме[8] (1901–1902)

**Вступление («Отдых напрасен. Дорога
крута...»)**

Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.

Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.

Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?

Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к тебе.

Купол стремится в лазурную
высь.
Синие окна румянцем зажглись.

Все колокольные звоны гудят.
Залит весной беззакатный наряд.

Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?

28 декабря 1903

I

С.-Петербург. Весна 1901 года
«Я вышел. Медленно сходили...»

*Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувших дней молодые были
Пришли доверчиво из тьмы...*

*Пришли и встали за плечами,
И пели с ветром о весне...
И тихими я шел шагами,*

Провидя вечность в глубине...

*О, лучших дней живые были!
Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили
И вечности вставляли сны!..*

25 января 1901. С. – Петербург
«Ветер принес издалёка...»

*Ветер принес издалёка
Песни весенней намек,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.*

*В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.*

*Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалёка
Звучные песни твои.*

29 января 1901
«Душа молчит. В холодном небе...»

*Душа молчит. В холодном небе
Все те же звезды ей горят.*

*Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит, – и внемлет крикам,
И зрит далекие миры,
Но в одиночестве двуликом
Готовит чудные дары,
Дары своим богам готовит
И, умащенная, в тиши,
Неустающим слухом ловит
Далекий зов другой души...
Так – белых птиц над океаном
Неразлученные сердца
Звучат призывом за туманом,
Понятым им лишь до конца.*

З февраля 1901
«Все бытие и сущее согласно...»

*Все бытие и сущее согласно
В великой непрестанной тишине.
Смотри туда участно, безучастно, —
Мне все равно – вселенная во мне.
Я чувствую, и верую, и знаю,
Сочувствием провидца не прельстишь.
Я сам в себе с избытком заключаю
Все те огни, какими ты горюшь.*

Но больше нет ни слабости, ни
силы,
Прошедшее, грядущее – во мне.
Все бытие и сущее застыло
В великой, неизменной тишине.
Я здесь в конце, исполненный про-
зренья,
Я перешел граничную черту.
Я только жду условного виденья,
Чтоб отлететь в иную пустоту.

17 мая 1901

«Кто-то шепчет и смеется...»

Кто-то шепчет и смеется
Сквозь лазоревый туман.
Только мне в тиши взгрустнет-
ся —
Снова смех из милых стран!

Снова шопот – и в шептаньи
Чья-то ласка, как во сне,
В чьем-то женственном дыханьи,
Видно, вечно радость мне!

Пошепчи, посмейся, милый,
Милый образ, нежный сон;
Ты нездешней, видно, силой
Наделен и окрылен.

20 мая 1901

II

**С. Шахматово. Лето и осень 1901
года**

«Небесное умом не измеримо...»

*Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров.*

*И мнилась мне Российская Венера,
Тяжелою туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерастодостна без меры,
В чертах лица – спокойная мечта.*

*Она сошла на землю не впервые,
Но вокруг нее толпятся в первый раз
Богатыри не те, и витязи иные...
И странен блеск ее глубоких глаз...*

29 мая 1901. С. Шахматово

«Они звучат, они ликуют...»

Они звучат, они ликуют,
Не уставая никогда,
Они победу торжествуют,
Они блаженны навсегда.
Кто уследит в окрестном звоне,
Кто ощутит хоть краткий миг
Мой бесконечный в тайном лоне,
Мой гармонический язык?
Пусть всем чужда моя свобода,
Пусть всем я чужд в саду моем —
Звенит и буйствует природа,
Я – соучастник ей во всем!

30 мая 1901

«Одинокий, к тебе прихожу...»

Одинокий, к тебе прихожу,
Околдован огнями любви.
Ты гадаешь. – Меня не зови. —
Я и сам уж давно ворожу.

От тяжелого бремени лет
Я спасался одной ворожбой,
И опять ворожу над тобой,
Но неясен и смутен ответ.

Ворожбой полоненные дни
Я лелею года, – не зови...
Только скоро ль погаснут огни

Заколдованной темной любви?

1 июня 1901. С. Шахматово
**«Предчувствую Тебя. Года проходят
мимо...» [9]**

*И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.
Вл. Соловьев*

*Предчувствую Тебя. Года прохо-
дят мимо —
Все в облике одном предчувствую
Тебя.*

*Весь горизонт в огне – и ясен
нестерпимо,
И молча жду, – тоскуя и любя.*

*Весь горизонт в огне, и близко по-
явление,
Но страшно мне: изменишь облик
Ты,*

*И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.*

*О, как паду – и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!*

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901. С. Шахматово
«**Внемля зову жизни смутной...**»

Внемля зову жизни смутной,
Тайно плещущей во мне,
Мысли ложной и минутной
Не отдамся и во сне.
Жду волны – волны попутной
К лучезарной глубине.

Чуть слезу, склонив колени,
Взором кроток, сердцем тих,
Уплывающие тени
Суетливых дел мирских
Средь видений, сновидений,
Голосов миров иных.

3 июля 1901
«**Прозрачные, неведомые тени...**»

Прозрачные, неведомые тени
К Тебе плывут, и с ними Ты плывешь,
В объятия лазурных сновидений,
Невнятных нам, – Себя Ты отда-

ешь.

*Перед Тобой синеют без границы
Моря, поля, и горы, и леса,
Перекликаются в свободной выси
птицы,
Встает туман, алеют небеса.*

*А здесь, внизу, в пыли, в уничиже-
нии,
Узрев на миг бессмертные черты,
Безвестный раб, исполнен вдохно-
венья,
Тебя поет. Его не знаешь Ты,*

*Не отличишь его в толпе народ-
ной,
Не наградишь улыбкою его,
Когда вослед взирает, несвобод-
ный,
Вкусив на миг бессмертья Твоего.*

З июля 1901

«Я жду призыва, ищу ответа...»

*Я жду призыва, ищу ответа,
Немеет небо, земля в молчаньи,
За желтой нивой – далёко где-
то —*

На миг проснулось мое воззванье.

*Из отголосков далекой речи,
С ночного неба, с полей дремот-
ных,
Все мнутся тайны грядущей
встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных.*

*Я жду – и трепет объемлет но-
вый,
Все ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, Боже, ночные души!*

*На миг проснулось за нивой, где-
то,
Далеким эхом мое воззванье.
Все жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молча-
нье...*

7 июля 1901

«Не жди последнего ответа...»

*Не жди последнего ответа,
Его в сей жизни не найти.
Но ясно чует слух поэта
Далекий гул в своем пути.*

Он приклонил с вниманьем ухо,
Он жадно внемлет, чутко ждет,
И донеслось уже до слуха:
Цветет, блаженствует, рас-
тет...

Все ближе – чаянье сильнее,
Но, ах! – волненья не снести...
И вещей падает, немея,
Заслыша близкий гул в пути.

Кругом – семья в чаду молений,
И над кладбищем – мерный звон...
Им не постигнуть сновидений,
Которых не дождался он!

19 июля 1901
«Сумерки, сумерки вешние...» [10]

Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла и огня за рекой?
Фет

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце – надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далекая,
Но различить – не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.

В сердце – надежды нездешние,
Кто-то навстречу – бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

16 августа 1901
«Ты горишь над высокой горою...»

Ты горишь над высокой горою,
Недоступна в Своем терему.
Я примчуся вечерней порою,
В упоеньи мечту обниму.

Ты, заслышав меня издалёка,
Свой костер разведешь ввечеру.
Стану, верный велениям Рока,
Постигать огневую игру.

И, когда среди мрака снопами

Искры станут кружиться в ды-
му, —
Я умчусь с огневыми кругами
И настигну Тебя в терему.

18 августа 1901
«Видно, дни золотые пришли...»

Видно, дни золотые пришли.
Все деревья стоят, как в сияньи.
Ночью холодом веет с земли;
Утром белая церковь вдали
И близка и ясна очертаньем.

Всё поют и поют вдалеке,
Кто поет – не пойму; а казалось,
Будто к вечеру там, на реке —
В камышах ли, в сухой осоке —
И знакомая песнь раздавалась.

Только я не хочу узнавать.
Да и песням знакомым не верю.
Все равно – мне певца не понять.
От себя ли скрывать Роковую по-
терю?

24 августа 1901
«Кругом далекая равнина...»

Кругом далекая равнина,

*Да толпы обгорелых пней.
Внизу – родимая долина,
И тучи стелются над ней.*

*Ничто не манит за собою,
Как будто даль сама близка.
Здесь между небом и землею
Живет угрюмая тоска.*

*Она и днем и ночью роет
В полях песчаные бугры.
Порою жалобно завоет
И вновь умолкнет – до поры.*

*И все, что будет, все, что было, —
Холодный и бездушный прах,
Как эти камни над могилой
Любви, затерянной в полях.*

25 августа 1901. Д. Ивлево
«Нет конца лесным тропинкам...»

*Нет конца лесным тропинкам.
Только встретить до звезды
Чуть заметные следы...
Внемлет слух лесным былинкам.*

*Всюду ясная молва
Об утраченных и близких...*

*По верхушкам елок низких
Перелетные слова...*

*Не замечу ль по былинкам
Потаенного следа...
Вот она – зажглась звезда!
Нет конца лесным тропинкам.*

2 сентября 1901. Церковный лес

III

**С.-Петербург. Осень и зима 1901 года
«Смотри – я отступаю в тень...»**

*Смотри – я отступаю в тень,
А ты по-прежнему в сомненьи
И все боишься встретить день,
Не чуя ночи приближенья.*

*Не жди ты вдохновенных слов —
Я, запоздалый на границе,
Спокойно жду последних снов,
Забывших здесь, в земной темни-
це.*

*Могу ли я хранить мечты
И верить в здешние виденья,
Когда единственная ты
Не веришь смертным песнопен-
ням?*

Но предо мной кружится мгла,
Не чуя мимолетной боли,
И ты безоблачно светла,
Но лишь в бессмертьи, – не в юдо-
ли.

20 сентября 1901
«Пройдет зима – увидишь ты...»

Пройдет зима – увидишь ты
Мои равнины и болота
И скажешь: «Сколько красоты!
Какая мертвая дремота!»

Но помни, юная, в тиши
Моих равнин хранил я думы
И тщетно ждал твоей души,
Больной, мятежный и угрюмый.

Я в этом сумраке гадал,
Взирал в лицо я смерти хладной
И бесконечно долго ждал,
В туманы всматриваясь жадно.

Но мимо проходила ты, —
Среди болот хранил я думы,
И этой мертвой красоты
В душе остался след угрюмый.

21 сентября 1901

«Встану я в утро туманное...»

*Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?*

*Настежь ворота тяжелые!
Ветром пахнуло в окно!
Песни такие веселые
Не раздавались давно!*

*С ними и в утро туманное
Солнце и ветер в лицо!
С ними подруга желанная
Всходит ко мне на крыльцо!*

3 октября 1901

«Снова ближе вечерние тени...»

*Снова ближе вечерние тени,
Ясный день догорает вдали.
Снова сонмы нездешних видений
Всколыхнулись – плывут – подо-
шли.*

*Что же ты на великую встречу
Не вскрываешь свои глубины?*

Или чуешь иного предтечу
Несомненной и близкой весны?

Чуть во мраке светильник зави-
жу,
Поднимусь и, не глядя, лечу.
Ты ж и в сумраке, милая, ближе
К неподвижному жизни ключу.

14 октября 1901

**«Скрипнула дверь. Задрожала
рука...»**

Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Вышла я в улицы сонные.
Там, в поднебесьи, идут облака,
Через туман озаренные.

С ними – знакомое, слышу, во-
след...
Нынче ли сердце пробудится?
Новой ли, прошлой ли жизни от-
вет,
Вместе ли оба почудятся?

Если бы злое несли облака,
Сердце мое не дрожало бы...
Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Слезы. И песни. И жалобы.

3 ноября 1901
«Зарево белое, желтое, красное...»

*Зарево белое, желтое, красное,
Крики и звон вдалеке,
Ты не обманешь, тревога напрас-
ная,
Вижу огни на реке.*

*Заревом ярким и поздними крика-
ми
Ты не разрушишь мечты.
Смотрится призрак очами вели-
кими
Из-за людской суеты.*

*Смертью твоею натешу лишь
взоры я.
Жги же свои корабли!
Вот они – тихие, светлые, ско-
рые —
Мчатся ко мне издали.*

6 ноября 1901
«Жду я холодного дня...»

*Жду я холодного дня,
Сумерек серых я жду.
Замерло сердце, звеня:*

Ты говорила: «Приду, —

*Жди на распутьи – вдали
Людных и ярких дорог,
Чтобы с величьем земли
Ты разлучиться не мог.*

*Тихо приду и замру,
Как твое сердце, звеня,
Двери тебе отпру
В сумерках зимнего дня».*

21 ноября 1901
«Ты страстно ждешь, тебя зовут...»

*Ты страстно ждешь. Тебя зовут, —
Но голоса мне незнакомы,
Очаг остыл, – тебе уют —
Родная степь. Лишь в ней ты – до-
ма.*

*Там – вечеряющая даль,
Туманы, призраки, виденья,
Мне – беспокойство и печаль,
Тебе – покой и примиренье.*

*О, жалок я перед тобой!
Все обнимаю, всем владею,*

Хочу владеть тобой одной,
Но не могу и не умею!

22 ноября 1901
«Вечереющий сумрак, поверь...»

*Вечереющий сумрак, поверь,
Мне напомнил неясный ответ.
Жду – внезапно отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.
Словно бледные в прошлом меч-
ты,
Мне лица сохранились черты
И отрывки неведомых слов,
Словно отклики прежних миров,
Где жила ты и, бледная, шла,
Под ресницами сумрак тая,
За тобою – живая ладья,
Словно белая лебедь, плыла.
За ладьей – огневые струи —
Беспокойные песни мои...
Им внимала задумчиво ты,
И лица сохранились черты,
И запомнилась бледная высь,
Где последние сны пронеслись.
В этой выси живу я, поверь,
Смутной памятью сумрачных
лет,
Смутно помню – отворится*

дверь,
Набежит исчезающий свет.

20 декабря 1901

IV

**С.-Петербург. Зима и весна 1902
года**

«Бегут неверные дневные тени...»

С. Соловьеву

*Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятен колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив – и ждет твоих
шагов.*

*Ты здесь пройдешь, холодный ка-
мень тронешь,
Одетый страшной святостью ве-
ков,
И, может быть, цветок весны
уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих об-
разов.*

*Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятен колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступе-*

ни...

Я озарен – я жду твоих шагов.

4 января 1902

«Там, в полусумраке собора...»

*Там, в полусумраке собора,
В лампадном свете образа.
Живая ночь заглянет скоро
В твои бессонные глаза.*

*В речах о мудрости небесной
Земные чуются струи.
Там, в сводах – сумрак неизвест-
ный,
Здесь – холод каменной скамьи.*

*Глубокий жар случайной встречи
Дохнул с церковной высоты
На эти дремлющие свечи,
На образа и на цветы.*

*И вдохновительно молчанье,
И скрыты помыслы твои,
И смутно чувствуется познание
И дрожь голубки и змеи.*

14 января 1902

«Я укрыт до времени в приделе...»

Я укрыт до времени в приделе,
Но растут великие крыла.
Час придет – исчезнет мысль о
теле,
Станет высь прозрачна и светла.

Так светла, как в день веселой
встречи,
Так прозрачна, как твоя мечта.
Ты услышишь сладостные речи,
Новой силой расцветут уста.

Мы с тобой подняться не успе-
ли, —
Загорелся мой тяжелый щит.
Пусть же ныне в роковом приде-
ле,
Одинокий, в сердце догорит.

Новый щит я подниму для встре-
чи,
Вознесу живое сердце вновь.
Ты услышишь сладостные речи,
Ты ответишь на мою любовь.

Час придет – в холодные мятели
Даль весны заглянет, весела.
Я укрыт до времени в приделе.

Но растут всемогущие крыла.

29 января 1902
«Верю в Солнце Завета...»[11]

*И Дух и Невеста говорят: приходи.
Апокалипсис*

*Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.*

*Все дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной – к бездорожью
Золотая межа.*

*Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.*

*Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.*

22 февраля 1902
«Ты – Божий день. Мои мечты...»

Ты – Божий день. Мои мечты —
Орлы, кричащие в лазури.
Под гневом светлой красоты
Они всечасно в вихре бури.

Стрела пронзает их сердца,
Они летят в паденьи диком...
Но и в паденьи – нет конца
Хвалам, и клетоту, и крикам!

21 февраля 1902

**«Там сумерки невнятно
трепетали...»**

Там сумерки невнятно трепета-
ли,
Таинственно сменяя день пустой.
Кто, проходя, души моей скрижа-
ли
Заполонил упорною мечтой?

Кто, проходя, тревожно кинул
взоры
На этот смутно отходящий
день?
Там, в глубинах, – мечты и мысли
скоры,
Здесь, на земле, – как сон, и свет и
тень.

Но я пойму и все мечтой объемлю,
Отброшу сны, увижу наяву,
Кто тронул здесь одну со мною землю,
За ним в вечерний сумрак уплыву.

Февраль 1902
«Жизнь медленная шла, как старая гадалка...»

*Жизнь медленная шла, как старая гадалка,
Таинственно шепча забытые слова.
Вздыхал о чем-то я, чего-то было жалко,
Какою-то мечтой горела голова.*

*Остановясь на перекрестке, в поле,
Я наблюдал зубчатые леса.
Но даже здесь, под игом чуждой воли,
Казалось, тяжки были небеса.*

*И вспомнил я сокрытые причины
Плененья дум, плененья юных сил.
А там, вдали – зубчатые вершины*

День отходящий томно золотил...

Весна, весна! Скажи, чего мне жалко?

*Какой мечтой пылает голова?
Таинственно, как старая гадалка,
Мне шепчет жизнь забытые слова.*

16 *марта 1902*

«На темном пороге тайком...»

*На темном пороге тайком
Святые шепчу имена.*

*Я знаю: мы в храме вдвоем,
Ты думаешь: здесь ты одна...*

*Я слушаю вздохи твои
В каком-то несбыточном сне...
Слова о какой-то любви...
И, Боже! мечты обо мне...*

*Но снова кругом тишина,
И плачущий голос затих...
И снова шепчу имена
Безумно забытых святых.*

Все призрак – все горе – все ложь!

Дрожу, и молюсь, и шепчу...
О, если крылами взмахнешь,
С тобой навсегда улечу!..

Март 1902

«Люблю высокие соборы...»

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа,
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо, с измененным ликом,
В мерцаньи мертвенном свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот – содрогнулись, смолкли хо-
ры,
В смятеньи бросились бежать...
Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать.

8 апреля 1902

«Слышу колокол. В поле весна...»

*Слышу колокол. В поле весна.
Ты открыла веселые окна.
День смеялся и гас. Ты следила од-
на
Облаков розоватых волокна.*

*Смех прошел по лицу, но замолк и
исчез...*

*Что же мимо прошло и смути-
ло?*

Ухожу в розовеющий лес...

Ты забудешь меня, как простила.

А прель 1902

**«Мы встречались с тобой на
закате...»**

*Мы встречались с тобой на зака-
те,*

Ты веслом рассекала залив.

Я любил твое белое платье,

Утонченность мечты разлюбив.

*Были странны безмолвные встре-
чи.*

Впереди – на песчаной косе

*Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.*

*Приближений, сближений, сгора-
ний —
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем ту-
мане,
Где у берега рябь и камыш.*

*Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Все померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твое золотое весло.*

13 мая 1902

«Тебя скрывали туманы...»

*Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб.*

*Тебя венчала корона
Еще рассветных причуд.
Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.*

Какие бледные платья!

*Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...*

*Кто знает, где это было?
Куда упала Звезда?
Какие слова говорила,
Говорила ли ты тогда?*

*Но разве мог не узнать я
Белый речной цветок,
И эти бледные платья,
И странный, белый намек?*

М^{ай} 1902

V

**С. Шахматово. Лето 1902 года
«Брожу в стенах монастыря...»**

*Брожу в стенах монастыря,
Безрадостный и темный инок.
Чуть брезжит бледная заря, —
Слежу мелькания снежинок.*

*Ах, ночь длинна, заря бледна
На нашем севере угрюмом.
У занесенного окна
Упорным предаюся думам.*

*Один и тот же снег – белей
Нетронутой и вечной ризы.
И вечно бледный воск свечей,
И убеленные карнизы.*

*Мне странен холод здешних стен
И непонятна жизни бедность.
Меня пугает сонный плен
И братий мертвенная бледность.*

*Заря бледна, и ночь долга,
Как ряд заутрень и обеден.
Ах, сам я бледен, как снега,
В упорной думе сердцем беден...*

11 июня 1902.
С. Шахматово

«Пробивалась певучим потоком...»

*Пробивалась певучим потоком,
Уходила в немую лазурь,
Исчезала в просторе глубоком
Отдаленным мечтанием бурь.
Мы, забыты в стране одичалой,
Жили бедные, чуждые слез,
Трепетали, молились на скалы,
Не видали сгорающих роз.
Вдруг примчалась на север угрю-
мый,*

*В небывалой предстала красе,
Назвала себя смертною думой,
Солнце, месяц и звезды в косе.
Отошли облака и тревоги,
Все житейское – в сладостной
мгле,
Побежали святые дороги,
Словно небо вернулось к земле.
И на нашей земле одичалой
Мы постигли сгорания роз.
Злые думы и гордые скалы —
Все растаяло в пламени слез.*

1 июля 1902

«Я, отрок, зажигаю свечи...»

*Имеющий невесту есть жених; а друг
жениха, стоящий и внимающий ему,
радостью радуется, слыша голос же-
ниха.*

От Иоанна, III, 29

*Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу.
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.*

*Люблю вечернее моленье
У белой церкви над рекой,*

*Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.*

*Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.*

*Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрезжит брачная заря.*

7 июля 1902

«Я и молод, и свеж, и влюблен...» [12]

*Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске и в мольбе,
Зеленею, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе.
Теплый ветер пройдет по ли-
стам —
Задрожат от молитвы стволы,
На лице, обращенном к звез-
дам, —
Ароматные слезы хвалы.
Ты придешь под широкий шатер
В эти бледные сонные дни
Заглядеться на милый убор,*

*Размечтаться в зеленой тени.
Ты одна, влюблена и со мной,
Нашепчу я таинственный сон,
И до ночи – с тоскою, с тобой,
Я с тобой, зеленеющий клен.*

31 июля 1902

«Ужасен холод вечеров...»

*Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,
Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге.*

*Холодная черта зари —
Как память близкого недуга
И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.*

Июль 1902

«Свет в окошке шатался...» [13]

*Свет в окошке шатался,
В полумраке – один —
У подъезда шептался
С темнотой арлекин.*

*Был окутанный мглою
Бело-красный наряд.
Наверху – за стеною —*

Шутовской маскарад.

*Там лицо укрывали
В разноцветную ложь.
Но в руке узнавали
Неизбежную дрожь.*

*Он – мечом деревянным
Начертал письма.
Восхищенная странным,
Потуплялась Она.*

*Восхищенью не веря,
С темнотою – один —
У задумчивой двери
Хохотал арлекин.*

6 августа 1902
«Без Меня б твои сны улетали...»

*Без Меня б твои сны улетали
В безжеланно-туманную высь,
Ты вспомни вечерние дали,
В тихий терем, дитя, постучись.*

*Я живу над зубчатой землею,
Вечерею в Моем терему.
Приходи. Я тебя успокою,
Милый, милый, тебя обниму.*

*Отошла Я в снега без возврата,
Но, холодные вихри крутя,
На черте огневого заката
Начертала Я Имя, дитя...*

Август 1902

VI

**С.-Петербург. Осень – 7 ноября 1902
года**

«Я вышел в ночь – узнать, понять...»

*Я вышел в ночь – узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский то-
пот.*

*Дорога, под луной бела,
Казалось, наполнилась шагами.
Там только чья-то тень брела
И опустилась за холмами.*

*И слушал я – и услышал:
Среди дрожащих лунных пятен
Далёко, звонко конь скакал,
И легкий посвист был понятен.*

*Но здесь и дальше – ровный звук,
И сердце медленно боролось,*

*О, как понять, откуда стук,
Откуда будет слышен голос?*

*И вот, слышнее звон копыт,
И белый конь ко мне несется...
И стало ясно, кто молчит
И на пустом седле смеется.*

*Я вышел в ночь – узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.*

6 сентября 1902.

С.-Петербург

«Безрадостные всходят семена...»

*Безрадостные всходят семена.
Холодный ветер бьется в голых
прутьях.
В моей душе открылись письма.
Я их таю – в селеньях, на распу-
тьях...
И крадусь я, как тень, у лунных
стен.
Меняются, темнеют, глохнут
стены.
Мне сладостно от всяких пере-*

мен,
Мне каждый день рождает пере-
мены.
О, как я жив, как бьет ключами
кровь!
Я здесь родной с подземными клю-
чами!
Мгновенья тайн! Ты, вечная лю-
бовь!
Я понял вас! Я с вами! Я за вами!
Растет, растет великая стена.
Холодный ветер бьется в голых
прутьях...
Я вас открыл, святые письма.
Я вас храню с улыбкой на распу-
тьях.

6 сентября 1902

«В городе колокол бился...»

В городе колокол бился,
Поздние славя мечты.
Я отошел и молился
Там, где провиделась Ты.

Слушая зов иноверца,
Поздними днями дыша,
Билось по-прежнему сердце,
Не изменялась душа.

*Все отошло, изменило,
Шепчет про душу мою...
Ты лишь Одна сохранила
Древнюю Тайну Свою.*

15 сентября 1902

Экклесиаст[14]

*Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда – в хаос безмирный,
Куда склоняется твой день.*

*Цела серебряная цепь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цветет на дне долины,
И влажным зноем дышит степь.*

*Идешь ты к дому на горах,
Полдневным солнцем залитая;
Идешь – повязка золотая
В смолистых тонет волосах.*

*Зачахли каперса цветы,
И вот – кузнечик тяжелеет,
И на дороге ужас веет,
И помрачились высоты.*

Молоть устали жернова.

*Бегут испуганные стражи,
И всех объемлет призрак вражий,
И долу гнутся деревья.*

*Все диким страхом смятено.
Стопнулись в кучу люди, звери.
И тщетно замыкают двери
Досель смотревшие в окно.*

24 сентября 1902
«При жолтом свете веселились...»

*При жолтом свете веселились,
Всю ночь у стен сжимался круг,
Ряды танцующих двоились,
И мнился неотступный друг.*

*Желанье поднимало груди,
На лицах отражался зной.
Я проходил с мечтой о чуде,
Томимый похотью чужой...*

*Казалось, там, за дымкой пыли,
В толпе скрываясь, кто-то жил,
И очи странные следили,
И голос пел и говорил...*

Сентябрь 1902
«Явился он на стройном бале...»

*Явился он на стройном бале
В блестяще сомкнутом кругу.
Огни зловещие мигали,
И взор описывал дугу.*

*Всю ночь кружились в шумном
танце,
Всю ночь у стен сжимался круг.
И на заре – в оконном глянце
Бесшумный появился друг.*

*Он встал и поднял взор совиный,
И смотрит – пристальный –
один,
Куда за бледной Коломбиной
Бежал звенящий Арлекин.*

*А там – в углу – под образами,
В толпе, мятущейся пестро,
Вращая детскими глазами,
Дрожит обманутый Пьеро.*

7 октября 1902

«Вхожу я в темные храмы...»

*Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.*

*В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.*

*О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.*

*О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая – Ты.*

25 октября 1902
«Разгораются тайные знаки...»

*Разгораются тайные знаки
На глухой, непробудной стене.
Золотые и красные маки
Надо мной тяготеют во сне.*

*Укрываюсь в ночные пещеры
И не помню суровых чудес.
На заре – голубые химеры
Смотрят в зеркале ярких небес.*

Убегаю в прошедшие миги,

*Закрываю от страха глаза,
На листах холодеющей книги —
Золотая девичья коса.*

*Надо мной небосвод уже низок,
Черный сон тяготеет в груди.
Мой конец предначертанный близок,
И война, и пожар – впереди.*

Октябрь 1902
«Мне страшно с Тобой встречаться...»

Мне страшно с Тобой встречаться.

*Страшнее Тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
На всем уловил печать.*

*По улице ходят тени,
Не пойму – живут или спят.
Прильнув к церковной ступени,
Боюсь оглянуться назад.*

*Кладут мне на плечи руки,
Но я не помню имен.
В ушах раздаются звуки
Недавних больших похорон.*

А хмурое небо низко —
Покрыло и самый храм.
Я знаю: Ты здесь. Ты близко.
Тебя здесь нет. Ты — там.

5 ноября 1902

«Дома растут, как желанья...»

Дома растут, как желанья,
Но взгляни внезапно назад:
Там, где было белое зданье,
Увидишь ты черный смрад.

Так все вещи меняют место,
Неприметно уходят ввысь.
Ты, Орфей, потерял невесту, —
Кто шепнул тебе: «Оглянись...»?

Я закрою голову белым,
Закричу и кинусь в поток.
И всплывет, качнется над телом
Благовонный, речной цветок.

5 ноября 1902

Распутья
(1902–1904)

**С.-Петербург – Bad Nauheim – с.
Шахматово**

«Я их хранил в приделе Иоанна...»[15]

*Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, – хранил
огонь лампад.*

*И вот – Она, и к Ней – моя Осан-
на —
Венец трудов – превыше всех на-
град.*

*Я скрыл лицо, и проходили годы.
Я пребывал в Служеньи много
лет.*

*И вот зажглись лучом вечерним
своды,
Она дала мне Царственный От-
вет.*

*Я здесь один хранил и теплил све-
чи.*

Один – пророк – дрожал в дыму
кадил.

И в Оный День – один участник
Встречи —
Я этих Встреч ни с кем не разде-
лил.

8 ноября 1902

«Я надел разноцветные перья...»

Я надел разноцветные перья,
Закалил мои крылья – и жду.
Надо мной, подо мной – недоверье,
Расплывается сумрак – я жду.

Вот сидят, погружаясь в дремо-
ту,
Птицы, спутники прежних годов.
Все забыли, не верят полету
И не видят, на что я готов.

Эти бедные, сонные птицы —
Не взлетят они стаяй с утра,
Не заметят мерцанья денницы,
Не поймут восклицанья: «Пора!»

Но сверкнут мои белые крылья,
И сомкнутся, сожмутся они,

Удрученные снами бессилья,
Засыпая на долгие дни.

21 ноября 1902
«**Я буду факел мой блюсти...**»

Я буду факел мой блюсти
У входа в душный сад.
Ты будешь цвет и лист плести
Высоко вдоль оград.

Цветок – звезда в слезах росы
Сбежит ко мне с высот.
Я буду страж его красы —
Безмолвный звездочет.

Но в страстный час стена низка,
Запретный цвет любим.
По следу первого цветка
Откроешь путь другим.

Ручей цветистый потечет —
И нет числа звездам.
И я забуду строгий счет
Влекущимся цветам.

4 декабря 1902
«**Все кричали у круглых столов...**»

Все кричали у круглых столов,

Беспокойно меняя место.
Было тускло от винных паров.
Вдруг кто-то вошел – и сквозь гул
голосов
Сказал: «Вот моя невеста».

Никто не слышал ничего.
Все визжали неистово, как звери.
А один, сам не зная отчего, —
Качался и хохотал, указывая на
него
И на девушку, вошедшую в двери.

Она уронила платок,
И все они, в злобном усилии,
Как будто поняв зловещий намек,
Разорвали с визгом каждый кло-
чок
И окрасили кровью и пылью.

Когда все опять подошли к столу,
Притихли и сели на место,
Он указал им на девушку в углу
И звонко сказал, пронизывая
мглу:
«Господа! Вот моя невеста».

И вдруг тот, кто качался и хохо-

тал,
Бессмысленно протягивая руки,
Прижался к столу, задрожал, —
И те, кто прежде безумно кри-
чал,
Услышали плачущие звуки.

25 декабря 1902
«Покраснели и гаснут ступени...»

Покраснели и гаснут ступени.
Ты сказала сама: «Приду».
У входа в сумрак молений
Я открыл мое сердце. – Жду.

Что скажу я тебе – не знаю.
Может быть, от счастья умру.
Но, огнем вечерним сгорая,
Привлеку и тебя к костру.

Расцветает красное пламя.
Неожиданно сны сбылись.
Ты идешь. Над храмом, над на-
ми —
Беззакатная глубь и высь.

25 декабря 1902
**«Запевающий сон, зацветающий
цвет...»**

Запевающий сон, зацветающий
цвет.
Исчезающий день, погасающий
свет.

Открывая окно, увидал я сирень.
Это было весной – в улетающий
день.

Раздышались цветы – и на тем-
ный карниз
Передвинулись тени ликующих
риз.

Задыхалась тоска, занималась ду-
ша.
Распахнул я окно, трепеща и дро-
жа.

И не помню – откуда дохнула в
лицо,
Запевая, сгорая, взошла на крыль-
цо.

Сентябрь – декабрь 1902
«Я к людям не выйду навстречу...»

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.

*Пред Тобой Одною отвечаю,
За то, что всю жизнь молчал.*

*Молчаливые мне понятны,
И люблю обращенных в слух:
За словами – сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.*

*Я выйду на праздник молчанья,
Моего не заметят лица.
Но во мне – потаенное знанье
О любви к Тебе без конца.*

14 января 1903
«Погружался я в море клевера...»

*Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.*

*Призывал на битву равнинную —
Побороться с дыханьем небес.
Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.*

*Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,*

*Вперед с невинными взорами
Мое детское сердце идет.*

*Пусть глаза утомятся бессон-
ные,
Запоем, заалеем пыль...
Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку – быль.*

18 февраля 1903

**«Зимний ветер играет
терновником...»**

*Зимний ветер играет терновни-
ком,
Задувает в окне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовни-
ком.
Я один. Я прощу. Я молчу.*

*Ты не знаешь, кому ты молишь-
ся —
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.*

*Но, давно прислушавшись к сча-
стию,
У окна я тебя подожду.*

*Ты ему отдаешься со страстию.
Все равно. Я тайну блюду.*

*Все, что в сердце твоём туманится,
Станет ясно в моей тишине.
И, когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне.*

20 февраля 1903
«Все ли спокойно в народе?..»

*– Все ли спокойно в народе?
– Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.*

*– Все ли готовы подняться?
– Нет. Каменеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться:
Бродят и песни поют.*

*– Кто же поставлен у власти?
– Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти:
Слышно, что кто-то идет.*

*– Кто ж он, народный смири-
тель?*

– Темен, и зол, и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видел его – и ослеп.

Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным[16]...
– Боже! Бежим от Суда!

З марта 1903

«Мне снились веселые думы...»

Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...
Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.

Я думал о сбывшемся чуде...
А там, наточив топоры,
Веселые красные люди,
Смеясь, разводили костры:

Смолили тяжелые челны...
Река, распевая, несла
И синие льдины, и волны,
И тонкий обломок весла...

Пьяна от веселого шума,
Душа небывалым полна...

Со мною – весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна...

11 марта 1903
«Я был весь в пестрых лоскутьях...»

*Я был весь в пестрых лоскутьях,
Белый, красный, в безобразной
маске.
Хохотал и кривлялся на распу-
тьях,
И рассказывал шуточные сказки.*

*Развертывал длинные сказанья
Бессвязно, и долго, и звонко —
О стариках, и о странах без назва-
нья,
И о девушке с глазами ребенка.*

*Кто-то долго, бессмысленно сме-
ялся,
И кому-то становилось больно.
И когда я внезапно сбивался,
Из толпы кричали: «Довольно!»*

А прель 1903
«По городу бегал черный человек...»

*По городу бегал черный человек.
Гасил он фонарики, карабкаясь на*

лестницу.

*Медленный, белый подходил рас-
свет,
Вместе с человеком взбирался на
лестницу.*

*Там, где были тихие, мягкие те-
ни —
Желтые полосы вечерних фона-
рей, —*

*Утренние сумерки легли на сту-
пени,
Забрались в занавески, в щели две-
рей.*

*Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дво-
ре.*

А *прель 1903*
**«Ей было пятнадцать лет. Но по
стуку...» [17]**

*Ей было пятнадцать лет. Но по
стуку
Сердца – невестой быть мне мог-
ла.*

Когда я, смеясь, предложил ей руку,
Она засмеялась и ушла.

Это было давно. С тех пор проходили
Никому не известные годы и сроки.
Мы редко встречались и мало говорили,
Но молчанья были глубоки.

И зимней ночью, верен сновиденью,
Я вышел из людных и ярких зал,
Где душные маски улыбались пеню,
Где я ее глазами жадно провожал.

И она вышла за мной, покорная,
Сама не ведая, что будет через миг.
И видела лишь ночь городская,
черная,
Как прошли и скрылись: невеста и жених.

И в день морозный, солнечный,

красный —

Мы встретились в храме – в глубокой тишине:

Мы поняли, что годы молчанья
были ясны,

И то, что свершилось, – свершилось
в вышине.

Этой повестью долгих, блаженных
исканий

Полна моя душная, песенная
грудь.

Из этих песен создал я зданье,
А другие песни – спою когда-нибудь.

16 июня 1903. *Vad Nauheim*

Вербная суббота

Вечерние люди уходят в дома.
Над городом синяя ночь зажжена.
Боярышни тихо идут в терема.
По улице веет, гуляет весна.

На улице праздник, на улице свет,
И свечки, и вербы встречают зарю.
Дремотная сонь, неуловленный
бред —

Заморские гости приснились царю...

Приснились боярам... – «Проснитесь, мы тут...»

Боярышня сонно склонилась во мгле...

Там тени идут и виденья плывут...

Что было на небе – теперь на земле...

*Весеннее утро. Задумчивый сон.
Влюбленные гости заморских племен*

И, может быть, поздних, веселых времен.

Прозрачная тучка. Жемчужный узор.

Там было свиданье. Там был разговор...

И к утру лишь бледной рукой отперлась,

И розовой зорькой душа занялась.

1 *сентября 1903. С.-Петербург*

«Когда я уйду на покой от времен...»

Когда я уйду на покой от времен,
Уйду от хулы и похвал,
Ты вспомни ту нежность, тот
ласковый сон,
Которым я цвел и дышал.

Я знаю, не вспомнишь Ты, Свет-
лая, зла,
Которое билось во мне,
Когда подходила Ты, стройно-бе-
ла,
Как лебедь, к моей глубине.

Не я возмущал Твою гордую
лень —
То чуждая сила его.
Холодная туча смущала мой
день, —
Твой день был светлей моего.

Ты вспомнишь, когда я уйду на по-
кой,
Исчезну за синей чертой, —
Одну только песню, что пел я с
Тобой,
Что Ты повторяла за мной.

1 ноября 1903

Фабрика

*В соседнем доме окна жолты.
По вечерам – по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.*

*И глухо заперты ворота,
А на стене – а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.*

*Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.*

*Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в жолтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.*

24 ноября 1903
**«Мой любимый, мой князь, мой
жених...»**

*Мой любимый, мой князь, мой
жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Повиликой средь нив золотых*

Завилась я на том берегу.

Я ловлю твои сны на лету
Бледно-белым прозрачным цвет-
ком,
Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конем.

Ах, бессмертье мое растопчи, —
Я огонь для тебя сберегу.
Робко пламя церковной свечи
У заутрени бледной зажгу.

В церкви станешь ты, бледен ли-
цом,
И к Царице Небесной придешь, —
Кольхнусь восковым огоньком,
Дам почуять знакомую дрожь...

Над тобой – как свеча – я тиха,
Пред тобой – как цветок – я неж-
на.
Жду тебя, моего жениха,
Все невеста – и вечно жена.

26 марта 1904

**Из книги второй[18]
(1904–1908)**

Вступление

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копыя заката
Протянули ко мне острие.

Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну.
Если все мольбы отзвенели,
Угнетенный, в поле усну.

Ты пройдешь в золотой порфире
—
Уж не мне глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть в этом сонном ми-
ре,
Целовать излученный путь...

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!

16 *апреля 1905*

Пузыри земли (1904–1905)

*Земля, как и вода, содержит газы,
И это были пузыри земли.
Макбет*

«На перекрестке...»

*На перекрестке,
Где даль поставила,
В печальном весельи встречаю
весну.*

*На земле еще жесткой
Пробивается первая травка.
И в кружеве березки —
Далеко – глубоко —
Лиловые скаты оврага.*

Она взманила,

Земля пустынная!

*На западе, рдея от холода,
Солнце – как медный шлем воина,
Обращенного ликом печальным
К иным горизонтам,
К иным временам...*

*И шишак – золотое облако —
Тянет ввысь белыми перьями
Над дерзкой красою
Лохмотий вечерних моих!*

*И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала —
Пламенеют, как солнечный
шлем,
Отблеском вечера...
Отблеском счастья...*

*И кресты – и далекие окна —
И вершины зубчатого леса —
Все дышит ленивым
И белым размером
Весны.*

5 мая 1904

Болотные чертенятки

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дождаться здесь вдвоем
Тихой пустоты.

Вот – сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий – месяц наверху —
Искривил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав —
Захудалый чорт.

На дурацком колпаке
Бубенец разлук.
За плечами – вдалеке —
Сеть речных излук...

И сидим мы, дурачки, —
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Зачумленный сон воды,

*Ржавчина волны...
Мы – забытые следы
Чьей-то глубины...*

Январь 1905

Твари весенние
**(Из альбома «Kindisch» [20] Т. Н.
Гиппиус [21])**

*Золотисты лица купальниц[22].
Их стебель влажен.
Это вышли молчальницы
Поступью важной
В лесные душистые скважины.*

*Там, где проталины,
Молчать повелено,
И весной непомерной взлелеяны
Поседельх туманов развалины.*

*Окрестности мхами завалены.
Волосы ночи натянуты туго на
срубы
И пни.
Мы в листве и в тени
Издали начинаем вникать в от-
даленные трубы.
Приближаются новые дни.
Но пока мы одни,*

И молчаливо открыты бескров-
ные губы.

Чуда! о, чуда!
Тихонько дым
Поднимается с пруда...
Мы еще помолчим.

Утро сонной тропею пустило
стрелу,
Но одна – на руке, опрокинутой в
высь.
Ладонью в стволистую мглу —
Светляка подняла... Оглянись:
Где ты скроешь зеленого света
ночную иглу?

Нет, светись,
Светлячок, молчаливой понят-
ный!
Кусочек света,
Клочочек рассвета...

Будет вам день беззакатный!
С ночью вы не радели —
Вот и все ушло...
Ночку вы не жалели —
И становится слишком светло.

*Будете маяться, каяться,
И кусаться, и лаяться,
Вы, зеленые, крепкие, малые,
Твари милые, небывалые.*

*Туман клубится, проносится
По седым прудам.
Скоро каждый чортик запросит-
ся
Ко Святым Местам.*

19 февраля 1905
«На весеннем пути в теремок...»

*На весеннем пути в теремок
Перелетный вспорхнул ветерок,
Прозвенел золотой голосок.*

*Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца,
И поднять не посмела лица.*

*И ушла в синеватую даль,
Где дымилась весенняя таль[23],
Где кружилась над лесом печаль.*

*Там – в березовом дальнем кру-
гу —
Старикашка сгибал из березы ду-*

гу
И заметил ее на лугу.

Закричал и запрыгал на пне:
«Ты, красавица, верно, ко мне!
Столковалась в своей тишине!»

За корявые пальцы взялась,
С бородою зеленой сплелась
И с туманом лесным поднялась.

Так тоскуют они об одном,
Так летают они вечерком,
Так венчалась весна с колдуном.

24 апреля 1905
«Полюби эту вечность болот...»

Полюби эту вечность болот:
Никогда не иссякнет их мощь.
Этот знак, что сгорел, – не
умрет.

Этот куст – без истления – тощ.

Эти ржавые кочки и пни
Знают твой отдыхающий плен.
Неизменно предвечны они, —
Ты пред Вечностью полон измен.

Одинокая участь светла.
Безначальная доля свята.
Это Вечность Сама снизошла
И навеки замкнула уста.

3 июня 1905

Пляски осенние[24]

Волновать меня снова и снова —
В этом тайная воля твоя,
Радость ждет сокровенного сло-
ва,
И уж ткань золотая готова,
Чтоб душа засмеялась моя.

Улыбается осень сквозь слезы,
В небеса улетает мольба,
И за кружевом тонкой березы
Золотая запела труба.

Так волнуют прозрачные звуки,
Будто милый твой голос звенит,
Но молчишь ты, поднявшая руки,
Устремившая руки в зенит.

И округлые руки трепещут,
С белых плеч ниспадают струи,
За тобой в хороводах расплещут
Осенницы[25] одежды свои.

Осененная реющей влагой,
Распустила ты пряди волос.
Хороводов твоих по оврагу
Золотое кольцо развилось.

Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не петь, не плясать,
И не могут луга и овраги
Под стопною твоей не сгорать.

С нами, к нам – легкокрылая младость,
Нам воздушная участь дана...
И откуда приходит к нам Радость,
И откуда плывет Тишина?

Тишина умирающих знаков —
Это светлая в мире пора:
Сон, заветных исполненный знаков,
Что сегодня пройдет, как вчера,

Что полеты времен и желаний —
Только всплески девических рук —
На земле, на зеленой поляне,
Неразлучный и радостный круг.

*И безбурное солнце не будет
Нарушать и гневить Тишину,
И лесная трава не забудет,
Никогда не забудет весну.*

*И снежинки по склонам оврага
Заметут, заровняют края,
Там, где им заповедала влага,
Там, где пляска, где воля твоя.*

1 октября 1905

Разные стихотворения (1904–1908)

«Тяжко нам было под вьюгами...»

*Тяжко нам было под вьюгами
Зиму холодную спать...
Землю промерзлую плугами
Не было мочи поднять!*

*Ранними летними росами
Выйдем мы в поле гулять...
Будем звенящими косами
Сочные травы срезать!*

*Настежь ворота тяжелые!
Ветер душистый в окно!
Песни такие веселые
Мы не певали давно!*

5 ноября 1904

Моей матери

*Помнишь думы? Они улетели.
Отцвели завитки гиацинта.
Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта.*

Нам казалось: мы кратко блуждали.

Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились – и нас не узнали,
И не встретили в милой отчизне.

И никто не спросил о Планете,
Где мы близились к юности вечной...

Пусть погибнут безумные дети
За стезей ослепительно млечной!

Но в бесцельном, быть может,
круженьи —
Были мы, как избранники, нищи.
И теперь возвратились в сомне-
ньи
В дорогое, родное жилище...

Так. Не жди изменений бесцель-
ных,
Не смущайся забвеньем. Не числи.
Пусть к тебе – о краях запредель-
ных
Не придут и спокойные мысли.

Но, прекрасному прошлому ра-
до, —

Пусть о будущем сердце не плачет.
Тихо ведаю: будет награда:
Ослепительный Всадник прискачет.

4 декабря 1904
«Шли на приступ. Прямо в грудь...»
[26]

*Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.
Кто-то крикнул: «Будь прославлен!»
Кто-то шепчет: «Не забудь!»*

*Рядом пал, всплеснув руками,
И над ним сомкнулась рать.
Кто-то бьется под ногами,
Кто – не время вспоминать...*

*Только в памяти веселой
Где-то вспыхнула свеча.
И прошли, стопой тяжелой
Тело теплое топча...*

*Ведь никто не встретит старость —
Смерть летит из уст в уста...*

*Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...*

*Что же! громче будет скрежет,
Слаще боль и ярче смерть!
И потом – земля разнежит
Перепуганную твердь.*

Я^{нварь 1905}
**«Не строй жилищ у речных
излучин...»**

Г. Чулкову[27]

*Не строй жилищ у речных излу-
чин,
Где шумной жизни заметен рост.
Поверь, конец всегда однозвучен,
Никому не понятен и торже-
ственно-прост.*

*Твоя участь тиха, как рассказ ве-
черний,
И душой одинокой ему покорись.
Ты иди себе молча к какой хочешь
вечерне,
Где душа твоя просит, там мо-
лись.*

*Кто придет к тебе, будь он, как
ангел, светел,
Ты прими его просто, будто видел
во сне,
И молчи без конца, чтоб никто
не заметил,
Кто сидел на скамье, промельк-
нул в окне.*

*И никто не узнает, о чем молча-
нье,
И о чем спокойных дум простота.
Да. Она придет. Забелеет сиянье.
Без вины прижмет к устам уста.*

Июнь 1905

Балаганчик[28]

*Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.
И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный чорт ухватил карапу-
зика,
И стекает клюквенный сок.*

Мальчик

Он спасется от черного гнева
Мановением белой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слева...
Видишь факелы? видишь дымки?
Это, верно, сама королева...

Девочка

Ах, нет, зачем ты дразнишь меня?
Это – адская свита...
Королева – та ходит средь белого
дня,
Вся гирляндами роз перевита,
И шлейф ее носит, мечами звеня,
Вздыхающих рыцарей свита.
Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпицей!
На голове моей – картонный
шлем!
А в руке – деревянный меч!»

Заплакали девочка и мальчик,
И закрылся веселый балаганчик.

Сидят у окошка с папой.
Над берегом вьются галки.

– Дождик, дождик! Скорей зака-
пай!

У меня есть зонтик на палке!

– Там весна. А ты – зимняя плен-
ница,
Бедная девочка в розовом капоре...
Видишь, море за окнами пенится?
Полетим с тобой, девочка, за мо-
ре.

– А за морем есть мама?

– Нет.

– А где мама?

– Умерла.

– Что это зна-
чит?

– Это значит: вон идет глупый
поэт:

Он вечно о чем-то плачет.

– О чем?

– О розовом капоре.

– Так у него нет мамы?

– Есть. Только ему ни о чем:

*Ему хочется за море,
Где живет Прекрасная Дама.*

– А эта Дама – добрая?

– Да.

– Так зачем же она не приходит?

– Она не придет никогда:

Она не ездит на пароходе.

Подошла ночка,

Кончился разговор папы с дочкой.

Июль 1905

«Старость мертвая бродит вокруг...»

[29]

*Старость мертвая бродит во-
круг,*

В зеленях утонула дорожка.

Я пилю наверху полукруг —

Я пилю слуховое окошко.

Чую дали – и капли смолы

Проступают в сосновые жилки.

Прорываются визги пилы,

И летят золотые опилки.

*Вот последний свистящий рас-
кол —*

*И дощечка летит в неизвест-
ность...*

*В остром запахе тающих смол
Подо мной распахнулась окрест-
ность.*

*Все закатное небо – в дремѣ,
Удлиняются дольные тени,
И на розовой гаснет корме
Уплывающий кормщик весенний...*

*Вот – мы с ним уплываем во
тьму,
И корабль исчезает летучий...
Вот и кормщик – звездой паду-
чей —
До свиданья!.. летит за корму...*

И *юль 1905*

«В туманах, над сверканьем рос...»

*В туманах, над сверканьем рос,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я в старом парке дедов рос,
И солнце золотило кудри.*

*Не погасал лесной пожар,
Но, гарью солнечной влекомый,
Стрелой бросался я в угар,*

Целуя воздух незнакомый.

*И проходили сонмы лиц,
Всегда чужих и вечно взрослых,
Но я любил взлетанье птиц,
И лодку, и на лодке весла.*

*Я уплывал один в затон
Бездонной заводи и мутной,
Где утлый остров окружен
Стеною ельника уютной.*

*И там в развесистую ель
Я доску клал и с нею реял,
И таяла моя качель,
И сонный ветер тихо веял.*

*И было как на Рождестве,
Когда игра давалась даром,
А жизнь всходила синим паром
К сусально-звездной синеве.*

Июль 1905

Осенняя воля[30]

*Выхожу я в путь, открытый взо-
рам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,*

Желтой глины скудные пласты.

*Разгулялась осень в мокрых до-
лах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.*

*Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах про-
нав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной ру-
кав.*

*Кто взманил меня на путь знако-
мый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или – каменным путем влеко-
мый
Нищий, распеваящий псалмы?*

*Нет, иду я в путь никем не зва-
ный,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.*

*Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хме-
лю...*

*Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки люблю...*

*Много нас – свободных, юных,
статных —*

Умирает, не любя...

*Приюти ты в даях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!*

Июль 1905. Рогачевское шоссе
«Девушка пела в церковном хоре...»

*Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.*

*Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и
слушал,
Как белое платье пело в луче.*

*И всем казалось, что радость бу-
дет,
Что в тихой заводи все корабли,*

Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был то-
нок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ре-
бенок
О том, что никто не придет на-
зад.

Август 1905
«Там, в ночной завывающей стуже...»

Там, в ночной завывающей стуже,
В поле звезд отыскал я кольцо.
Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо.

Вот плывут ее вьюжные трели,
Звезды светлые шлейфом влача,
И взлетающий бубен метели,
Бубенцами призывно брэнча.

С легким треском рассыпался ве-
ер, —
Ах, что значит – не пить и не
есть!
Но в глазах, обращенных на север,

Мне холодному – жгучая весть...

И над мигом свивая покровы,
Вся окутана звездами вьюг,
Уплываешь ты в сумрак снеговой,
Мой от века загаданный друг.

Август 1905

«Утихает светлый ветер...»

Утихает светлый ветер,
Наступает серый вечер,
Ворон канул на сосну,
Тронул сонную струну.

В стороне чужой и темной
Как ты вспомнишь обо мне?
О моей любви скромной
Закручинишься ль во сне?

Пусть душа твоя мгновенна —
Над тобою неизменна
Гордость юная твоя,
Верность женская моя.

Не гони летящий мимо
Призрак легкий и простой,
Если будешь, мой любимый,
Счастлив с девушкой другой...

Ну, так с Богом! Вечер близок,
Быстрый лет касаток низок,
Надвигается гроза,
Ночь глядит в твои глаза.

21 августа 1905
«В голубой далекой спальне...»

В голубой далекой спальне
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Все, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоём – туманная —
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая.
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

И потом, едва заметная,

Тонкий полог подняла.
И, как время безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спальне —
Синий сумрак и покой,
Оттого, что карлик маленький
Держит маятник рукой.

4 октября 1905
**«Вот Он – Христос – в цепях и
розах...» [31]**

Евгению Иванову

*Вот он – Христос – в цепях и розах
За решеткой моей тюрьмы.
Вот агнец кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрь-
мы.*

*В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо.
Но лик и синее небо – одно.*

*Единый, светлый, немного груст-
ный —
За ним восходит хлебный злак,*

*На пригорке лежит огород ка-
пустный,
И березки и елки бегут в овраг.*

*И всё так близко и так далёко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего ока,
Пока не станешь сам как стезя...*

*Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой
овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не
разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый
злак.*

10 октября 1905

Вербочки

*Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.*

*Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.*

Ветерок удаленький,

Дождик, дождик маленький,
Не заду́й огня!

В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

1 – 10 февраля 1906

Сольвейг[32]

Сергею Городецкому[33]

Сольвейг прибегает на лыжах.
Ибсен. «Пер Гюнт»

Сольвейг! Ты прибежала на лы-
жах ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне!

Жил я в бедной и темной избушке
моей
Много дней, меж камней, без ог-
ней.

Но веселый, зеленый твой глаз
мне блеснул —
Я топор широко размахнул!

Я смеюсь и крушу вековую сосну,

Я встречаю невесту – весну!

*Пусть над новой избой
Будет свод голубой —
Полно соснам скрывать синеву!*

*Это небо – твое!
Это небо – мое!
Пусть недаром я гордым слыву!*

*Жил в лесу как во сне,
Пел молитвы сосне,
Надо мной распростершей красу.*

*Ты пришла – и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу!*

*Слышишь звонкий топор? Видишь
радостный взор,
На тебя устремленный в упор?*

*Слышишь песню мою? Я крушу и
пою
Про весеннюю Сольвейг мою!*

*Под моим топором, распевая хва-
лы,*

Раскачнулись в лазури стволы!

*Голос твой – он звончей песен ста-
рой сосны!*

Сольвейг! Песня зеленой весны!

20 февраля 1906
«Прошли года, но ты – все та же...»

*Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года.
Тютчев*

*Прошли года, но ты – все та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.*

*А я – склонен над грудой книжной,
Высокий, сгорбленный старик, —
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.*

*Да. Нас года не изменили.
Живем и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те баснословные года...*

Их светлый пепел – в длинной ур-

не.
Наш светлый дух – в лазурной
мгле.
И все чудесней, все лазурней —
Дышать прошедшим на земле.

30 мая 1906

Ангел-Хранитель[34]

Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во
мгле.
Во мгле, что со мною всегда на
земле.

За то, что ты светлой невестой
была,
За то, что ты тайну мою отня-
ла.

За то, что связала нас тайна и
ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и
дочь.

За то, что нам долгая жизнь
суждена,
О, даже за то, что мы – муж и
жена!

За цепи мои и заклятья твои.
За то, что над нами проклятье
семьи.

За то, что не любишь того, что
люблю.
За то, что о нищих и бедных
скорблю.

За то, что не можем согласно
мы жить.
За то, что хочу и не смею
убить —

Отмстить малодушным, кто
жил без огня,
Кто так унижал мой народ и ме-
ня!

Кто запер свободных и сильных в
тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить ме-
ня дня,
Собачью покорность купить у ме-
ня...

За то, что я слаб и смириться го-
тов,
Что предки мои – поколение ра-
бов,

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость
мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнем сожжено и свинцом
залито —
Того разорвать не посмеет ни-
кто!

С тобою смотрел я на эту за-
рю —
С тобой в эту черную бездну
смотрю.

И двойственно нам приказанье
судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь!
Отойди!

Огонь или тьма – впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда
мы идем?

Вдвоем – неразрывно – навеки
вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906

«Есть лучше и хуже меня...»

Есть лучше и хуже меня,
И много людей и богов,
И в каждом – метанье огня,
И в каждом – печаль облаков.

И каждый другого зажжет
И снова потушит костер,
И каждый печально вздохнет,
Взглянувши другому во взор...

Да буду я – царь над собой,
Со мною – да будет мой гнев,
Чтоб видеть над бездной глухой
Черты ослепительных дев!

Я сам свою жизнь сотворю,
И сам свою жизнь погублю.

Я буду смотреть на Зарю
Лишь с теми, кого люблю.

Сентябрь 1906
«Шлейф, забрызганный звездами...»

Шлейф, забрызганный звездами,
Синий, синий, синий взор.
Меж землей и небесами
Вихрем поднятый костер.

Жизнь и смерть в круженьи веч-
ном,
Вся – в шелках тугих —
Ты – путям открыта млечным,
Скрыта в тучах грозových.

Пали душные туманы.
Гасни, гасни свет, пролейся
мгла...
Ты – рукою узкой, белой, странной
Факел-кубок в руки мне дала.

Кубок-факел брошу в купол си-
ний —
Расплеснется млечный путь.
Ты одна взойдешь над всей пусты-
ней
Шлейф кометы развернуть.

Дай серебряных коснуться скла-
док,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сла-
док,
Как легко и ясно умирать.

Сентябрь 1906

Русь[35]

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почиешь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликые народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.

Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

Где буйно заметает вьюга
До крыши – утлое жилье,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвее.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины...

Так – я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Подолгу песни распевал.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,

*И вот – она не запятнала
Первоначальной чистоты.*

*Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне поживает Русь,
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснись.*

24 сентября 1906

Тишина цветет

*Здесь тишина цветет и движет
Тяжелым кораблем души,
И ветер, пес послушный, лижет
Чуть пригнутые камыши.*

*Здесь в заводь праздную желанье
Свои приводит корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальних ропотах земли.*

*Здесь легким образам и думам
Я отдаю стихи мои,
И томным их встречают шумом
Реки согласные струи.*

*И, томно опустив ресницы,
Вы, девушки, в стихах прочли,
Как от страницы до страницы*

Вдаль потянули журавли.

*И каждый звук был вам намеком
И показанным – каждый стих.
И вы любили на широком
Просторе легких рифм моих.*

*И каждая навек узнала
И не забудет никогда,
Как обнимала, целовала,
Как пела тихая вода.*

Октябрь 1906
«Ты можешь по траве зеленой...»

*Ты можешь по траве зеленой
Всю церковь обойти,
И сесть на паперти замше́ной,
И кружево плести.*

*Ты можешь опустить ресницы,
Когда я прохожу,
Поправить кофточку из ситца,
Когда я погляжу.*

*Твои глаза еще невинны,
Как цветик голубой,
И эти косы слишком длинны
Для шляпки городской.*

*Но ты гуляешь с красным бан-
том
И семячки лущишь,
Телеграфисту с желтым кантом
Букетики даришь.*

*И потому – ты будешь рада
Сквозь мокрую траву
Прийти в туман чужого сада,
Когда я позову.*

Октябрь 1906

Балаган[36]

*Ну, старая кляча, пойдём ломать сво-
его Шекспира!*

Кин

*Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, побряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.*

*Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро...*

Тащитесь, траурные клячи!

*Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!*

*В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.*

Ноябрь 1906

Усталость

*Кому назначен темный жребий,
Над тем не властен хоровод.
Он, как звезда, утонет в небе,
И новая звезда взойдет.*

*И краток путь средь долгой ночи.
Друзья, близка ночная твердь!
И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы: смерть.*

*И есть ланит живая алость,
Печаль свиданий и разлук...
Но есть паденье, и усталость,
И торжество предсмертных мук.*

14 февраля 1907

«Зачатый в ночь, я в ночь

рожден...»

*Зачатый в ночь, я в ночь рожден,
И вскрикнул я, прозрев:
Так тяжек матери был стон,
Так черен ночи зев.*

*Когда же сумрак поредел,
Унылый день повлек
Клубок однообразных дел,
Безрадостный клубок.*

*Что быть должно – то быть должно,
Так пела с детских лет
Шарманка в низкое окно,
И вот – я стал поэт.*

*Влюбленность расцвела в кудрях
И в ранней грусти глаз.
И был я в розовых цепях
У женщин много раз.*

*И все, как быть должно, пошло:
Любовь, стихи, тоска;
Все приняла в свое русло
Спокойная река.*

Как ночь слепа, так я был слеп,

И думал жить слепой...
Но раз открыли темный склеп,
Сказали: Бог с тобой.

В ту ночь был белый ледоход,
Разлив осенних вод.
Я думал: «Вот, река идет».
И я пошел вперед.

В ту ночь река во мгле была,
И в ночь и в темноту
Та – незнакомая – пришла
И встала на мосту.

Она была – живой костер
Из снега и вина.
Кто раз взглянул в желанный
взор,
Тот знает, кто она.

И тихо за руку взяла
И глянула в лицо.
И маску белую дала
И светлое кольцо.

«Довольно жить, оставь слова,
Я, как метель, звонка,
Иною жизнью жива,

Иным огнем ярка».

Она зовет. Она манит.
В снегах земля и твердь.
Что мне поет? Что мне звенит?
Иная жизнь? Глухая смерть?

12 апреля 1907

«Она пришла с заката...»

Она пришла с заката.
Был плащ ее заколот
Цветком нездешних стран.

Звала меня куда-то
В бесцельный зимний холод
И в северный туман.

И был костер в полночи,
И пламя языками
Лизало небеса.

Сияли ярко очи.
И черными змеями
Распуталась коса.

И змеи окрутили
Мой ум и дух высокий
Распяли на кресте.

*И в вихре снежной пыли
Я верен черноокой
Змеиной красоте.*

8 ноября 1907

«Твое лицо мне так знакомо...»

*Твое лицо мне так знакомо,
Как будто ты жила со мной.
В гостях, на улице и дома
Я вижу тонкий профиль твой.
Твои шаги звенят за мною,
Куда я ни войду, ты там.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночам?
Не ты ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь в двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна виденному сну?
Я часто думаю, не ты ли
Среди погоста, за гумном,
Сидела молча на могиле
В платочке ситцевом своем?
Я приближался – ты сидела,
Я подошел – ты отошла,
Спустилась к речке и запела...
На голос твой колокола
Откликнулись вечерним звоном...
И плакал я, и робко ждал...*

*Но за вечерним перезвоном
Твой милый голос затихал...
Еще мгновенье – нет ответа,
Платок мелькает за рекой...
Но знаю горестно, что где-то
Еще увидимся с тобой.*

1 августа 1908

Город (1904–1908)

Последний день

*Ранним утром, когда люди лени-
лись шевелиться,
Серый сон предчувствуя послед-
них дней зимы,
Пробудились в комнате мужчина
и блудница,
Медленно очнулись среди угарной
тьмы.*

Утро копошилось. Безнадёжно до-
горели свечи,
Опльвиший огарок маячил в
опльвиших глазах.
За холодным окном дрожали
женские плечи,
Мужчина перед зеркалом расче-
сывал пробор в волосах.

Но серое утро уже не обмануло:
Сегодня была она, как смерть,
бледна.
Еще вечером у фонаря ее лицо
блеснуло,
В этой самой комнате была
влюблена.

Сегодня безобразно повисли склад-
ки рубашки,
На всем был серый постылый на-
лет.
Углами торчала мебель, валя-
лись окурки, бумажки,
Всех ужасней в комнате был крас-
ный комод.

И вдруг влетели звуки. Верба, раз-
дувшая почки,

Раскачнулась под ветром, осыпая
снег,
В церкви ударил колокол. Распах-
нулись форточки,
И внизу стал слышен торопливый
бег.

Люди суетливо выбегали за воро-
та
(Улицу скрывал дощатый забор).
Мальчишки, женщины, дворники
заметили что-то,
Махали руками, чертя незнако-
мый узор.

Бился колокол. Гудели крики, лай
и ржанье.
Там, на грязной улице, где люди
собрались,
Женщина-блудница – от ложа
пьяного желанья —
На коленях, в рубашке, поднимала
руки ввысь...

Высоко – над домами – в тумане
снежной бури,
На месте полуденных туч и полу-
нощных звезд,

*Розовым зигзагом в разверстой
лазури
Тонкая рука распластала тонкий
крест.*

З февраля 1904

«Город в красные пределы...»

*Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.*

*Стены фабрик, стекла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развевающийся локон —
Все закатом залито.*

*Блещут искристые гривы
Золотых, как жар, коней,
Мчатся бешеные дива
Жадных облачных грудей,*

*Красный дворник плещет ведра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной,*

И на башне колокольной

*В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.*

28 июня 1904 **«Поднимались из тьмы погребов...»**

*Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.*

*Скоро прибыли толпы других,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камням мосто-
вых,
Из земли воздвигали палаты.*

*Встала улица, серым полна,
Заткалась паутиного пряжей.
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя проток экипажей.*

*Скоро день глубоко отступил,
В небе дальнем расставивший зо-
ри.
А незримый поток шелестил,
Проливаясь в наш город, как в мо-
ре.*

*Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменяют нас новые люди!
В тех же муках рождала их
мать,
Так же нежно кормила у груди...*

*В пелене отходящего дня
Нам была эта участь понятна...
Нам последний закат из огня
Сочетал и соткал свои пятна.*

*Не стерег исступленный дракон,
Не пылала под нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь – мгновенна.*

10 сентября 1904

**«В кабаках, в переулках, в
извивах...»**

*В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в мол-
ву.*

*Были улицы пьяны от криков.
Были солнца в сверканьи витрин.
Красота этих женственных ли-*

ков!

Эти гордые взоры мужчин!

Это были цари – не скитальцы!
Я спросил старика у стены:
«Ты украсил их тонкие пальцы
Жемчугами несметной цены?»

Ты им дал разноцветные шубки?
Ты зажег их снопами лучей?
Ты раскрасил пунцовые губки,
Синеватые дуги бровей?»

Но старик ничего не ответил,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно светел,
Эту музыку блеска впивать...

А они проходили все мимо,
Смутно каждая в сердце тая,
Чтоб навеки, ни с кем не сравни-
мой,
Отлететь в голубые края.

И мелькала за парюю пара...
Ждал я светлого ангела к нам,
Чтобы здесь, в ликованьи трот-
туара,

Он одну приобщил небесам...

А вверху – на уступе опасном —
Тихо съезжившись, карлик приник,
И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык.

Декабрь 1904

«Барка жизни встала...»

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога
На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далёко,
Весело плывут.
Только нас с собою,

Верно, не возьмут!

Декабрь 1904

«Вися над городом всемирным...» [37]

*Вися над городом всемирным,
В пыли прошедшей заточен,
Еще монарха в утре лирном
Самодержавный клонит сон.*

*И предок царственно-чугунный
[38]*

*Все так же бредит на змее,
И голос черни многострунный
Еще не властен на Неве.*

*Уже на дóмах веют флаги,
Готовы новые птенцы [39],
Но тихи струи невской влаги,
И слепы темные дворцы.*

*И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.*

18 октября 1905

«Еще прекрасно серое небо...»

Еще прекрасно серое небо,

*Еще безнадежна серая даль.
Еще несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!*

*И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: «Свергни! О, свергни!»
Не будят жалости в сонной волне...*

*И в небе сером холодные светлы
Одели Зимний дворец царя,
И латник в черном[40] не даст
ответа,
Пока не застигнет его заря.*

*Тогда, аля над водной бездной,
Пусть он угрюмей опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной
За древнюю сказку мертвым
лечь...*

18 октября 1905
«Ты проходишь без улыбки...»

*Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы,*

И во мраке над собором
Золотятся купола.

Как лицо твое похоже
На вечерних богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во мгле...

Но с тобой идет кудрявый
Кроткий мальчик в белой шапке,
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.

Я стою в тени портала,
Там, где дует резкий ветер,
Застылающий слезами
Напряженные глаза.

Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть: «Богоматерь!
Для чего в мой черный город
Ты Младенца привела?»

Но язык бессилен крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Над священными следами
Почивает синий мрак.

*И смотрю я, вспоминая,
Как опущены ресницы,
Как твой мальчик в белой шапке
Улыбнулся на тебя.*

29 октября 1905

Перстень-страданье

*Шел я по улице, горем убитый.
Юность моя, как печальная ночь,
Бледным лучом упала на плиты,
Гасла, плелась и шарахалась
прочь.*

*Горькие думы – лохмотья печалей —
Нагло просили на чай, на ночлег,
И пропадали средь уличных далей,
За вереницей зловонных телег.*

*Господи Боже! Уж утро клубится,
Где, да и как этот день проживу?...
Узкие окна. За ними – девица,
Тонкие пальцы легли на канву.*

*Локоны пали на нежные ткани —
Верно, работала ночь напролет...*

*Щеки бледны от бессонных меч-
таний,
И замирающий голос поет:*

*«Что́ я сумела, когда полюбила?
Бросила мать и ушла от отца...
Вот я с тобою, мой милый, мой
милый...
Перстень-Страданье нам свяжет
сердца.*

*Что́ я могу? Своей алой кровью
Нежность мою для тебя укра-
шать...
Верностью женской, вечной любо-
вью
Перстень-Страданье тебе ско-
вать».*

30 октября 1905

Сытые[41]

*Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.*

*И вот – в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,*

*Над скукой их обедов чинных —
Свет электрический потух.*

*К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах – желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.*

*Так – негодует все, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлеб!*

*Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!*

*Пусть доживут свой век привыч-
но —
Нам жаль их сытость разру-
шать.
Лишь чистым детям – неприлич-
но
Их старой скуке подражать.*

10 ноября 1905
«Твое лицо бледней, чем было...»

Твое лицо бледней, чем было
В тот день, когда я подал знак,
Когда, замедлив, торопила
Ты легкий, предвечерний шаг.

Вот я стою, всему покорный,
У немерцающей стены.
Что сердце? Свиток чудотвор-
ный,
Где страсть и горе сочтены!

Поверь, мы оба небо знали:
Звездой кровавой ты текла,
Я измерял твой путь в печали,
Когда ты падать начала.

Мы знали знаньем несказанным
Одну и ту же высоту
И вместе пали за туманом,
Чертя уклонную черту.

Но я нашел тебя и встретил
В неосвященных воротах,
И этот взор – не меньше светел,
Чем был в туманных высотах!

Комета! Я прочел в светилах
Всю повесть раннюю твою,

*И лживый блеск созвездий милых
Под черным шелком узнаю!*

*Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь в тени, как тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейф влачишь, как та звезда!*

*Не медли, в темных тѣнях кро-
ясь,
Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкий пояс —
Сужденный магу млечный путь.*

Март 1906

Незнакомка

*По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.*

*Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булоч-
ной,
И раздаётся детский плач.*

И каждый вечер, за шлагбаумами,

Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единствен-
ный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинствен-
ной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino Veritas!»[42] кричат.

И каждый вечер, в час назначен-
ный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схвачен-
ный,
В туманном движется окне.

*И медленно, пройдя меж пьяны-
ми,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.*

*И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.*

*И странной близостью закован-
ный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.*

*Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.*

*И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.*

В моей душе лежит сокровище,

*И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.*

24 *апреля 1906. Озерки*
«Там дамы щеголяют модами...»

*Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остер —
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.*

*Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижимая заря.*

*Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она – бесстыдно упоительна
И унизительно горда.*

*За толстыми пивными кружка-
ми,
За сном привычной суеты
Сквозит вуаль, покрытый мушка-
ми,
Глаза и мелкие черты.*

Чего же жду я, очарованный
Моей счастливою звездой,
И оглушенный и взволнованный
Вином, зарею и тобой?

Вздыхая древними поверьями,
Шелками черными шумна,
Под шлемом с траурными перья-
ми
И ты вином оглушена?

Средь этой пошлости таинствен-
ной,
Скажи, что делать мне с то-
бой —
Недостижимой и единственной,
Как вечер дымно-голубой?

Апрель 1906-28 апреля 1911

Холодный день

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа

На каждой согнутой спине.

И вот пошли туда, где будем
Мы жить под низким потолком,
Где прокляли друг друга люди,
Убитые своим трудом.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла меж спящих на полу;
Но самый сон их был проклятье,
Вон там – в заплеванном углу...

Ты обернулась, заглянула
Доверчиво в мои глаза...
И на щеке моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нет! Счастье – праздная забота,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне – молоток, тебе – игла.

Сиди да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд,
А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.

Я близ тебя работать стану,

Авось ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топя отчаянье в вине.

Сентябрь 1906

В октябре

Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!
Забитая лошадка бурая
Гуляет на дворе.

Снежинка легкою пушинкою
Порхает на ветру,
И елка слабенькой вершинкою
Мотает на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —
Прошла моя пора.
Вон – мальчик, посинев от холода,
Дрожит среди двора.

Все, все по-старому, бывалому,
И будет, как всегда:
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.

Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А все хочу свободной волею
Свободного житья.
Хоть нет звезды счастливой бо-
лее
С тех пор, как запил я!

Давно звезда в стакан мой кану-
ла, —
Ужели навсегда?...
И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!

Вот, вот – в глазах плывет маня-
щая,
Качается в окне...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!

И даже все мое имущество
С собою захвачу!
Познал, познал свое могущество!..
Вот вскрикнул... и лечу!

Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...

*Все, все по-старому, бывалому,
Да только – без меня!*

Октябрь 1906
«К вечеру вышло тихое солнце...»

*К вечеру вышло тихое солнце,
И ветер понес дымки из труб.
Хорошо прислониться к дверному
косяку
После ночной попойки моей.*

*Многое миновалось
И много будет еще,
Но никогда не перестанет радо-
ваться сердце
Тихой радостью
О том, что вы придете,
Сядете на этом старом диване
И скажете простые слова
При тихом вечернем солнце,
После моей ночной попойки.*

*Я люблю ваше тонкое имя,
Ваши руки и плечи
И черный платок.*

Октябрь 1906

Окна во двор

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.

Я слышу – старинные речи
Проснулись глубоко на дне.
Вон теплятся желтые свечи,
Забывшие в чьем-то окне.

Голодная кошка прижалась
У жолоба утренних крыш.
Заплакать – одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.

Ты спишь, а на улице тихо,
И я умираю с тоски.
И злое, голодное Лихо
Упорно стучится в виски...

Эй, малый, взгляни мне в оконце!..
Да нет, не заглянешь – пройдешь...
Совсем я на зимнее солнце,
На глупое солнце похож.

Октябрь 1906
«Хожу, брожу понурый...»
Хожу, брожу понурый,

Один в своей норе.
Придет шарманщик хмурый,
Заплачет на дворе...

О той свободной доле,
Что мне не суждена,
О том, что ветер в поле,
А на дворе – весна.

А мне – какое дело?
Брожу один, забыт.
И свечка догорела,
И маятник стучит.

Одна, одна надежда
Вон там, в ее окне.
Светла ее одежда,
Она придет ко мне.

А я, нахмутив брови,
Ей в сотый передам,
Как много портил крови
Знакомым и друзьям.

Опять нам будет сладко,
И тихо, и тепло...
В углу горит лампадка,
На сердце отлегло...

*Зачем она приходит
Со мною говорить?
Зачем в иглу проводит
Веселенькую нить?*

*Зачем она роняет
Веселые слова?
Зачем лицо склоняет
И прячет в кружева?*

*Как холодно и тесно,
Когда ее здесь нет!
Как долго неизвестно,
Блеснет ли в окнах свет...*

*Лицо мое блее,
Чем белая стена...
Опять, опять сробею,
Когда придет она...*

*Ведь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказаться?
Но можно ли сказать?*

*И что́ ей молвить – нежной?
Что сердце расцвело?
Что ветер веет снежный?*

Что в комнате светло?

7 декабря 1906

Клеопатра

Открыт паноптикум печальный
Один, другой и третий год.
Толпою пьяной и нахальной
Спешим... В гробу царица ждет.

Она лежит в гробу стеклянном,
И не мертва и не жива,
А люди шепчут неустанно
О ней бесстыдные слова.

Она раскинулась лениво —
Навек забыть, навек уснуть...
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь...

Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришел взглянуть на профиль
важный,
На воск, открытый напоказ...

Тебя рассматривает каждый,
Но, если б гроб твой не был пуст,
Я услышал бы не однажды

Надменный вздох истлевших уст:

*«Кадите мне. Цветы рассыпьте.
Я в незапамятных веках
Была царицею в Египте.
Теперь – я воск. Я тлен. Я прах». —*

*«Царица! Я пленен тобою!
Я был в Египте лишь рабом,
А ныне суждено судьбою
Мне быть поэтом и царем!*

*Ты видишь ли теперь из гроба,
Что Русь, как Рим, пьяна тобой?
Что я и Цезарь – будем оба
В веках равны перед судьбой?»*

*Замолк. Смотрю. Она не слышит.
Но грудь колыхается едва
И за прозрачной тканью дышит...
И слышу тихие слова:*

*«Тогда я исторгала грозы.
Теперь исторгну жгучей всех
У пьяного поэта – слезы,
У пьяной проститутки – смех».*

16 декабря 1907

Снежная маска[43]
(1907)

Посвящается Н. Н. В.[44]

Снега
Снежное вино

*И вновь, сверкнув из чаши винной,
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах.*

*Я опрокинут в темных струях
И вновь вдыхаю, не любя,
Забывший сон о поцелуях,
О снежных вьюгах вокруг тебя.*

*И ты смеешься дивным смехом,
Змеишься в чаше золотой,
И над твоим собольим мехом*

Гуляет ветер голубой.

И как, глядясь в живые струи,
Не увидать себя в венце?
Твои не вспомнить поцелуи
На запрокинутом лице?

29 декабря 1906

Последний путь

В снежной пене – предзакатная —
Ты встаешь за мной вдали,
Там, где в дали невозвратные
Повернули корабли.

Не видать ни мачт, ни паруса,
Что манил от снежных мест,
И на дальнем храме безрадостно
Догорел последний крест.

И на этот путь оснеженный
Если встанешь – не сойдешь.
И душою безнадежной
Безотзывное поймешь.

Ты услышишь с белой пристани
Отдаленные рога.
Ты поймешь растущий издали
Зов закованной в снега.

3 января 1907

Второе крещение

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.

И, в новый мир вступая, знаю,
Что люди есть и есть дела,
Что путь открыт наверно к раю
Всем, кто идет путями зла.

Я так устал от ласк подруги
На застывающей земле.
И драгоценный камень вьюги
Сверкает льдиной на челе.

И гордость нового крещенья
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет –
Смерть.

3 января 1907

Ее песни

Не в земной темнице душной
Я гублю.
Душу вверх ладье воздушной —
Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
Что люблю.

Взор твой ясный к выси звездной
Обрати.
И в руке твой меч железный
Опусти.
Сердце с дрожью бесполезной
Укrotи.
Вихри снежные над бездной
Закрути.

Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу.
На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

4 января 1907

И опять снега

*И опять, опять снега
Замели следы...*

*Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды.*

*И поют, поют рога.
Над парами злой воды
Вьюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест,
Одинокий смерч.*

*И вдали, вдали, вдали,
Между небом и землей
Веселится смерть.*

*И за тучей снеговой
Задремали корабли —
Опрокинутые в твердь
Станы снежных мачт.*

*И в полях гуляет смерть —
Снеговой трубач...*

*И вздымает вьюга смерч,
Строит белый, снежный крест,*

Замечает твердь...

*Разрушает снежный крест
И бежит от снежных мест...
И опять глядится смерть
С беззакатных звезд...*

8 января 1907

**Маски
В углу дивана**

*Но в камине дозвенели
Угольки.*

*За окошком догорели
Огоньки.*

*И на вьюжном море тонут
Корабли.*

*И над южным морем стонут
Журавли.*

*Верь мне, в этом мире солнца
Больше нет.*

*Верь лишь мне, ночное сердце,
Я – поэт!*

*Я какие хочешь сказки
Расскажу,*

*И какие хочешь маски
Приведу.*

*И пройдут любые тени
При огне,*

*Странных очерки видений
На стене.*

*И любой колени склонит
Пред тобой...*

*И любой цветок уронит
Голубой...*

9 января 1907

Тени на стене

*Вот прошел король с зубчатым
Пляшущим венцом.*

*Шут прошел в плаще крылатом
С круглым бубенцом.*

*Дамы с шлейфами, пажами,
В розовых тенях.*

*Рыцарь с темными цепями
На стальных руках.*

*Ах, к походке вашей, рыцарь,
Шел бы длинный меч!*

*Под забралом вашим, рыцарь,
Нежный взор желанных встреч!*

*Ах, петуший гребень, рыцарь,
Ваш украсил шлем!*

*Ах, скажите, милый рыцарь,
Вы пришли зачем?*

*К нашим сказкам, милый рыцарь,
Приклоните слух...*

*Эти розы, милый рыцарь,
Подарил мне друг.*

*Эти розаны – мне, рыцарь,
Милый друг принес...*

*Ах, вы сами в сказке, рыцарь!
Вам не надо роз...*

9 января 1907

Насмешница

Подвела мне брови красным,
Поглядела и сказала:
«Я не знала:
Тожe можeшь быть прекрасным,
Темный рыцарь, ты!»

И, смеясь, ушла с другими.
А под сводами ночными
Плыли тени пустоты,
Догорали хрустали.

Тени плыли, колдовали,
Струйки шитые дремали,
И вдали
Заливалось утро криком
Петуха...
И летели тройки с гиком...

И она пришла опять
И сказала: «Рыцарь, что ты?
Это – сны твоей дремоты...
Что́ ты хочешь услышать?
Ночь глуха.
Ночь не может понимать
Петуха».

10 января 1907

Они читают стихи

*Смотри: я спутал все страницы,
Пока глаза твои цвели.
Большие крылья снежной птицы
Мой ум метелью замели.*

*Как странны были речи маски!
Понятны ли тебе? – Бог весть!
Ты твердо знаешь: в книгах – сказ-
ки,
А в жизни – только проза есть.*

*Но для меня неразделимы
С тобою – ночь, и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм веселых огоньки.*

*Не будь и ты со мною строгой
И маской не дразни меня,
И в темной памяти не трогай
Иного – страшного – огня.*

10 января 1907

Смятение

*Мы ли – пляшущие тени?
Или мы бросаем тень?
Снов, обманов и видений
Догоревший полон день.*

Не пойму я, что нас манит,
Не поймешь ты, что со мной,
Чей под маской взор туманит
Сумрак вьюги снеговой?

И твои мне светят очи
Наяву или во сне?
Даже в полдне, даже в дне
Размотались космы ночи...

И твоя ли неизбежность
Совлекла меня с пути?
И моя ли страсть и нежность
Хочет вьюгой изойти?

Маска, дай мне чутко слушать
Сердце темное твое,
Возврати мне, маска, душу,
Горе светлое мое!

13 января 1907

Сердце предано метели

Сверкни, последняя игла,
В снегах!
Встань, огнедышащая мгла!
Взметни твой снежный прах!

Убей меня, как я убил

Когда-то близких мне!

*Я всех забыл, кого любил,
Я сердце вьюгой закрутил,
Я бросил сердце с белых гор,
Оно лежит на дне!*

*Я сам иду на твой костер!
Сжигай меня!*

*Пронзай меня,
Крылатый взор,
Иглою снежного огня!*

13 января 1907

На снежном костре

*И взвился костер высокий
Над распятым на кресте.
Равнодушны, снежнооки,
Ходят ночи в высоте.*

*Молодые ходят ночи,
Сестры – пряжи снежных зим,
И глядят, открывши очи,
Завивают белый дым.*

*И крылатыми очами
Нежно смотрит высота.*

Вейся, легкий, вейся, пламень,
Увивайся вокруг креста!

В снежной маске, рыцарь милый,
В снежной маске ты гори!
Я ль не пела, не любила,
Поцелуев не дарила
От зари и до зари?

Будь и ты моей любовью,
Милый рыцарь, я стройна,
Милый рыцарь, снежной кровью
Я была тебе верна.

Я была верна три ночи,
Завивалась и звала,
Я дала глядеть мне в очи,
Крылья легкие дала...

Так гори, и яр и светел,
Я же – легкою рукой
Размету твой легкий пепел
По равнине снеговой.

13 января 1907

Фаина
(1906–1908)

«Вот явилась. Заслонила...»

*Вот явилась. Заслонила
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.*

*И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытьи.*

*Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя...*

*И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,*

*И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы да огоньки?*

*Золотой твой пояс стянут,
Нагло скромн дикий взор!
Пусть мгновенья все обманут,
Канут в пламенный костер!*

*Так пускай же ветер будет
Петь обманы, петь шелка!
Пусть навек не знают люди,
Как узка твоя рука!*

*Как за темною вуалью
Мне на миг открылась даль...
Как над белой, снежной далью
Пала темная вуаль...*

Декабрь 1906

«Я был смущенный и веселый...»

*Я был смущенный и веселый.
Меня дразнил твой темный шелк.
Когда твой занавес тяжелый
Раздвинулся – театр умолк.*

*Живым огнем разъединило
Нас рампы светлое кольцо,
И музыка преобразила*

И обожгла твое лицо.

*И вот – опять сияют свечи,
Душа одна, душа слепа...
Твои блистательные плечи,
Тобою пьяная толпа...*

*Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной – вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...*

Декабрь 1906

**«Я в дольний мир вошла, как в
ложу...»**

Н. Н. В.

*Я в дольний мир вошла, как в ло-
жу.
Театр взволнованный погас.
И я одна лишь мрак тревожу
Живым огнем крылатых глаз.*

*Они поют из темной ложи:
«Найди. Люби. Возьми. Умчи».
И все, кто властен и ничтожен,
Опустят предо мной мечи.*

*И все придут, как волны в море,
Как за грозой идет гроза.
Пылайте, траурные зори,
Мои крылатый глаза!*

*Взор мой – факел, к высям кинут,
Словно в небо опрокинут
Кубок темного вина!
Тонкий стан мой шелком схвачен.
Темный жребий вам назначен,
Люди! Я стройна!*

*Я – звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных
Я плыву, скользя...
В серебре метелей кроюсь,
Ты горюшь, мой узкий пояс —
Млечная стезя!*

1 января 1907

«Ушла. Но гиацинты ждали...»

*Ушла. Но гиацинты ждали,
И день не разбудил окна,
И в легких складках женской ша-
ли
Цвела ночная тишина.*

В косых лучах вечерней пыли,

*Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьем нильских лилий
Меня пленять и опьянять.*

*Мне слабость этих рук знакома,
И эта шепчущая речь,
И стройной талии истома,
И матовость покатых плеч.*

*Но в имени твоём – безмерность,
И рыжий сумрак глаз твоих
Таит змеиную неверность
И ночь преданий грозových.*

*И, миру должнему подвластна,
Меж всех – не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой крещена.*

*Войди, своей не зная воли,
И, добрая, в глаза взгляни,
И темным взором острой боли
Живое сердце полосни.*

*Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.*

31 марта 1907

Осенняя любовь

1. «Когда в листве сырой и ржавой...»

*Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний
гвоздь, —*

*Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —*

*Тогда – просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмерт-
ных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.*

*В глазах – такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.*

Христос! Родной простор печален!

*Изнемогаю на кресте!
И челн твой – будет ли причален
К моей распятой высоте?*

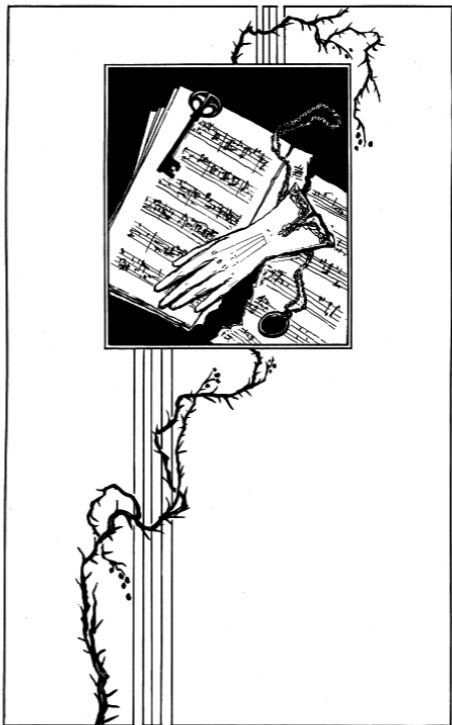
2. «И вот уже ветром разбиты, убиты...»

*И вот уже ветром разбиты, убиты
Кусты облетелой ракиты.
И прахом дорожным
Угрюмая старость легла на лани-
тах.
Но в темных орбитах
Взглянули, сверкнули глаза невоз-
можным...*

*И радость, и слава —
Все в этом сияньи бездонном,
И дальном.*

*Но смятые травы
Печальны,
И листья крутятся в лесу обна-
женном...*

*И снится, и снится, и снится:
Бывалое солнце!
Тебя мне все жальче и жальче...*

*О, глупое сердце,
Смеющийся мальчик,
Когда перестанешь ты биться?*

3. «Под ветром холодные плечи...»

*Под ветром холодные плечи
Твои обнимать так отрадно:
Ты думаешь – нежная ласка,
Я знаю – восторг мятежа!*

*И теплятся очи, как свечи
Ночные, и слушаю жадно —
Шевелится страшная сказка,
И звездная дышит межа...*

*О, в этот сияющий вечер
Ты будешь все так же прекрасна,
И, верная темному раю,
Ты будешь мне светлой звездой!*

*Я знаю, что холоден ветер,
Я верю, что осень бесстрастна!
Но в темном плаще не узнают,
Что ты пировала со мной!..*

*И мчимся в осенние дали,
И слушаем дальние трубы,
И мерим ночные дороги,*

Холодные выси мои...

Часы торжества миновали —
Мои опьяненные губы
Целуют в предсмертной тревоге
Холодные губы твои.

3 октября 1907

«В те ночи светлые, пустые...»

В те ночи светлые, пустые,
Когда в Неву глядят мосты,
Они встречались как чужие,
Забыв, что есть простое ты.

И каждый был красив и молод,
Но, окрыляясь пустотой,
Она таила странный холод
Под одичалой красотой.

И, сердцем вечно строгим мера,
Он не умел, не мог любить.
Она любила только зверя
В нем раздражить – и укротить.

И чуждый – чуждой жал он руки,
И север сам, спеша помочь
Красивой нежности и скуке,
В день превращал живую ночь.

Так в светлоте ночной пустыни,
В объятья ночи не спеша,
Гляделась в купол бледно-синий
Их обреченная душа.

10 октября 1907

Снежная дева

Она пришла из дикой дали —
Ночная дочь иных времен.
Ее родные не встречали,
Не просиял ей небосклон.

Но сфинкса с выщербленным ли-
цом
Над исполинскою Невой[45]
Она встречала легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.

Бывало, вьюга ей осыплет
Звездами плечи, грудь и стан, —
Все снится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.

Ей стали нравиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,
И в окнах тихие лампы
Слились с мечтой ее души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома —
Весь город мой непостижимый —
Непостижимая сама.

Она дарит мне перстень вьюги
За то, что плащ мой полон звезд,
За то, что я в стальной кольчуге,
И на кольчуге – строгий крест.

Она глядит мне прямо в очи,
Хваля неробкого врага.
С полей ее холодной ночи
В мой дух врываются снега.

Но сердце Снежной Девы немо
И никогда не примет меч,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстную рассечь.

И я, как вождь враждебной рати,
Всегда закованный в броню,
Мечту торжественных объятий

В священном трепете храню.

17 октября 1907

**Из цикла «Заклятие огнем и
мраком» [46]**

*За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пу-
стыне.*

Лермонтов

1. «О, весна без конца и без краю...»

*О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!*

*Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха – позорного нет!*

*Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры*

Раздражала, пьянила весна!

*Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабых трудов!*

*И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных
кудрях,
С неразгаданным именем Бога
На холодных и сжатых губах...*

*Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами – хмельная мечта!*

*И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель – я знаю —
Все равно: принимаю тебя!*

24

октября 1907

2. «Приявший мир, как звонкий дар...»

*Приявший мир, как звонкий дар,
Как злата горсть, я стал богат.*

Смотрю: растет, шумит по-
жар —
Глаза твои горят.

Как стало жутко и светло!
Весь город – яркий сноп огня,
Река – прозрачное стекло,
И только – нет меня...

Я здесь, в углу. Я там, распят.
Я пригвожден к стене – смотри!
Горят глаза твои, горят,
Как черных две зари!

Я буду здесь. Мы все сгорим:
Весь город мой, река и я...
Крести крещеньем огневым,
О, милая моя!

26 октября 1907
3. «Я неверную встретил у входа...»

Я неверную встретил у входа:
Уронила платок – и одна.
Никого. Только ночь и свобода,
Только жутко стоит тишина.

Говорил ей несвязные речи,
Открывал ей все тайны с людьми,

*Никому не поведал о встрече,
Чтоб она прошептала: возьми...*

*Но она ускользающей птицей
Полетела в ненастье и мрак,
Где взвился огневой багрянцей
[47]*

Засыпающий праздничный флаг.

*И у светлого дома, тревожно,
Я остался вдвоем с темнотой.
Невозможное было возможно,
Но возможное – было мечтой.*

23 октября 1907
5. «Пойми же, я спутал, я спутал...»

*Пойми же, я спутал, я спутал
Страницы и строки стихов,
Плащом твои плечи окутал,
Остался с тобою без слов...*

*Пойми, в этом сумраке – магом
Стою над тобою и жду
Под бьющимся праздничным фла-
гом,
На страже, под ветром, в бреду...*

И ветер поет и пророчит

Мне в будущем – сон голубой...
Он хочет смеяться, он хочет,
Чтоб ты веселилась со мной!

И розы, осенние розы
Мне снятся на каждом шагу
Сквозь мглу, и огни, и морозы,
На белом, на легком снегу!

О будущем ветер не скажет,
Не скажет осенний цветок,
Что милая тихо развяжет
Свой шелковый, черный платок...

Что только звенящая снится
И душу палящая тень...
Что сердце – летящая птица...
Что в сердце – щемящая лень...

21 октября 1907

**6. «В бесконечной дали
корридоров...»**

В бесконечной дали корридоров
Не она ли там пляшет вдали?
Не меня ль этой музыкой споров
От нее в этот час отвели?

Ничего вы не скажете, люди,

*Не поймете, что темен мой
храм.*

*Трепетанья, вздыхания груди
Воспаленным открыты глазам.*

*Сердце – легкая птица забвений
В золотой пролетающий час:
То она, в опьяненьи кружений,
Пляской тризну справляет о вас.*

*Никого ей не надо из скромных,
Ей не ум и не глупость нужны,
И не любит, наверное, темных,
Прислоненных, как я, у стены...*

*Сердце, взвейся, как легкая птица,
Полети ты, любовь разбуди,
Истоми ты истомой ресницы,
К бледно-смуглым плечам припа-
ди!*

*Сердце бьется, как птица томит-
ся —
То вдали закружилась она —
В легком танце, летящая птица,
Никому, ничему не верна...*

По улицам метель метет,
Свивается, шатается.
Мне кто-то руку подает
И кто-то улыбается.

Ведет – и вижу: глубина,
Гранитом темным сжатая.
Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.

Я подхожу и отхожу,
И замер в смутном трепете:
Вот только перейду между —
И буду в струйном лепете.

И шепчет он – не отогнать
(И воля уничтожена):
«Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена.

Пойми, пойми, ты одинок,
Как сладки тайны холода...
Взгляни, взгляни в холодный ток,
Где все навеки молодо...»

Бегу. Пусти, проклятый, прочь!
Не мучь ты, не испытывай!
Уйду я в поле, в снег и в ночь,

Забьюсь под куст раkitовый!

*Там воля всех вольнее воль
Не приневолит вольного,
И болей всех больнее боль
Вернет с пути окольного!*

26 октября 1907

9. «Гармоника, гармоника!..»

*Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькие лютики,
Весенние цветки!*

*Там с посвистом да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.*

*Смотрю я – руки вскинула,
В широкий пляс пошла,
Цветами всех осыпала
И в песне изошла...*

*Неверная, лукавая,
Коварная – пляши!
И будь навек отравой
Растраченной души!*

*С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты – ночь, и вся ты –
тьма,
И вся ты – во хмелю...*

*Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!..*

9 ноября 1907

10. «Работай, работай, работай...»

*Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.*

*Под праздник – другим будет
сладко,
Другой твои песни поет,
С другими лихая солдатка
Пойдет, подбочась, в хоровод.*

*Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясал бы – вон как!
Что мог бы стянуть и потуже
Свой золотом шитый кушак!*

*Что ростом и станом ты вышел
Статнее и краше других,
Что та молодица – повыше
Других молодиц удалых!*

*В ней сила играющей крови,
Хоть смуглые щеки бледны,
Тонки ее черные брови,
И строгие речи хмельны...*

*Ах, сладко, как сладко, так слад-
ко
Работать, пока рассветет,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!*

26 октября 1907

11. «И я опять затих у ног...»

*И я опять затих у ног —
У ног давно и тайно милой,
Заносит вьюга на порог
Пожар метели белокрылой...*

*Но имя тонкое твое
Твердить мне дивно, больно, слад-
ко...
И целовать твой шлейф украд-
кой,*

Когда метель поет, поет...

*В хмельной и злой своей темнице
Заночевало, сердце, ты,
И тихие твои ресницы
Смежили снежные цветы.*

*Как будто, на середине бега,
Я под метелью изнемог,
И предо мной возник из снега
Холодный, неживой цветок...*

*И с тайной грустью, с грустью
нежной,
Как снег спадает с лепестка,
Живое имя Девы Снежной
Еще слетает с языка...*

8 ноября 1907
«Всю жизнь ждала. Устала ждать...»

*Всю жизнь ждала. Устала
ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волос распущенная прядь
На плечи темные спустилась.*

*Мир не велик и не богат —
И не глядеть бы взором черным!*

Ведь только люди говорят,
Что надо ждать и быть покор-
ным...

А здесь – какая-то свирель
Поет надрывно, жалко, тонко:
«Качай чужую колыбель,
Ласкай немилотого ребенка...»

Я тоже – здесь. С моей судьбой,
Над лирой, гневной, как секира,
Такой униженный и злой,
Торгуюсь на базарах мира...

Я верю мгле твоих волос
И твоему великолепию.
Мой сирый дух – твой верный пес,
У ног твоих грохочет цепью...

И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим темным
взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом...

Мечта! Что жизни сон глухой?
Отрава – вслед иной отраве...
Я изменю тебе, как той,

Не изменяя, не лукавя...

*Забавно жить! Забавно знать,
Что под луной ничто не ново!
Что мертвому дано рождать
Бунтующее жизнью слово!*

*И никому заботы нет,
Что людям дам, что ты дала
мне,
А люди – на могильном камне
Начертят прозвище: Поэт.*

13 января 1908
«Когда вы стоите на моем пути...»
[48]

*Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?*

*О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,*

Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я – сочинитель,
Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого
цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах
и началах,
Все же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого
человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и
нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как – только влюбленный
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908
«Она пришла с мороза...»

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к заня-
тиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного
журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Все это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух
«Макбэ́та».

Едва дойдя до пузырей земли,
О которых я не могу говорить без
волнения,
Я заметил, что она тоже волну-
ется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый
кот
С трудом лепится по краю кры-
ши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и
Франчески[49].

6 февраля 1908

«Я помню длительные муки...»

Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как призрак возраста,
День обозначил купола;

И под окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;

*И утро длилось, длилось, длилось...
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.*

4 марта 1908
Москва

«Своими горькими слезами...»

*Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...*

*Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром
встречным
Твое лицо опалено...*

*Опять – бессильно и напрасно —
Ты отстранялась от огня...
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!..*

*И стало все равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие*

Гнать удалого лихача...

И все равно, чей вздох, чей шопот, —

*Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот,
Как бы с далекой высоты...*

*Так – сведены с ума мгновеньем —
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем,
Твоим превратностям, любовь!*

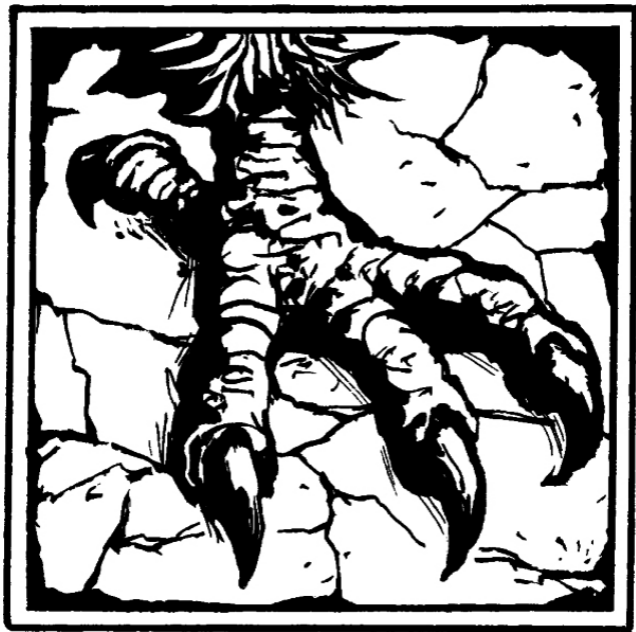
*Теперь, когда мне звезды ближе,
Чем та неустоявая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,*

*Когда один с самим собою
Я проклиная каждый день, —
Теперь проходит предо мною
Твоя развенчанная тень...*

*С благоволеньем? Иль с укором?
Иль ненавдя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором?
Не знаю: я забыл тебя.*

20 ноября 1908

**Из книги третьей[50]
(1907–1916)**

Страшный мир (1909–1916)

К Музе

*Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священ-
ных,
Поругание счастья есть.*

*И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...*

*И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.*

*Зла, добра ли? – Ты вся – не отсю-
да.*

*Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты – и Муза, и чудо.
Для меня ты – мученье и ад.*

Я не знаю, зачем на рассвете,

*В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил?*

*Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звезда-
ми —
Все проклятье своей красоты?*

*И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...*

*И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как по-
лынь!*

29 декабря 1912
«Под шум и звон однообразный...»

*Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.*

Я обрываю нить сознанья
И забываю, что́ и как...
Кругом – снега, трамваи, зданья,
А впереди – огни и мрак.

Что́, если я, замороженный,
Сознанья оборвавший нить,
Вернусь домой уничтоженный, —
Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

2 февраля 1909

ДВОЙНИК

Однажды в октябрьском тумане
Я брел, вспоминая напев.
(О, миг непродажных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот – в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.

*И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится.
А ты-то, вернешься ли ты?)*

*Вдруг вижу – из ночи туманной,
Шатаясь, подходит ко мне
Стареющий юноша (странно,
Не снился ли мне он во сне?),
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.*

*И шепчет: «Устал я шататься,
Промозглым туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...»
И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...*

*Вдруг – он улыбнулся нахально,
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?*

Октябрь 1909

«Поздней осенью из гавани...»

*Поздней осенью из гавани
От заметенной снегом земли
В предназначенное плавание
Идут тяжелые корабли.*

*В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснеженном берегу.*

*И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Все потеряно, все выпито!
Довольно – больше не могу...*

*А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом неж-
ном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?*

14 ноября 1909

На островах

*Вновь оснеженные колонны,
Елагин мост и два огня.*

*И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.*

*Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой – с пленной – с ней.*

*Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как
снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?*

*Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.*

*Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.*

*Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту,*

*И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...*

*Ведь со свечой в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной
ставней
Ее не станет ревновать...*

*Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Все только – продолженье бала,
Из света в сумрак переход...*

22 ноября 1909
**«С мирным счастьем покончены
счета...»**

*С мирным счастьем покончены
счета,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.*

*Жизнь пустынна, бездомна, без-
донна,
Да, я в это поверил с тех пор,*

Как пропел мне сиреной влюблен-
ной
Тот, сквозь ночь пролетевший,
мотор.

11 февраля 1910
**«Дух пряный марта был в лунном
круге...»**

Дух пряный марта был в лунном
круге,
Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал, влюбленный, у чьих-то
ног.

Ты прижималась все суеверней,
И мне казалось – сквозь храп ко-
ня —
Венгерский танец в небесной чер-
ни
Звенит и плачет, дразня меня.

А шалый ветер, носясь над да-
лью, —
Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И запевая о старине...

*И вдруг – ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь всту-
пая,
Безумно плачет о прошлых снах.*

6 марта 1910
Часовня на Крестовском острове

В ресторане

*Никогда не забуду (он был или не
был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное
небо,
И на желтой заре – фонари.*

*Я сидел у окна в переполненном
зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бока-
ле
Золотого, как небо, аи.*

*Ты взглянула. Я встретил сму-
щенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно
резко*

Ты сказала: «И этот влюблен».

*И сейчас же в ответ что-то гря-
нули струны,
Иступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презре-
нием юным,
Чуть заметным дрожаньем ру-
ки...*

*Ты рванулась движеньем испуган-
ной птицы,
Ты прошла, словно сон мой лег-
ка...
И вздохнули духи, задремали рес-
ницы,
Зашептались тревожно шелка.*

*Но из глуби зеркал ты мне взоры
бросала
И, бросая, кричала: «Лови!..»
А монисто брэнчало, цыганка
плясала
И визжала заре о любви.*

19 *апреля 1910*
**Демон («Прижмись ко мне крепче и
ближе...»)[51]**

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я – блуждал средь чужих...

О, сон мой! Я новое вижу
В бреду поцелуев твоих!

В томленьи твоём исступленном
Тоска небывалой весны
Горит мне лучом отдаленным
И тянется песней зурны.

На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.

И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горный, навеки без сил...

И снится – в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...

Пусть скачет жених – не доскачет!
Чеченская пуля верна.

19 апреля 1910
«Как тяжело ходить среди людей...»
[52]

Там человек сгорел.
Фет

*Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.*

*И, взглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном
вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!*

10 мая 1910
Унижение

*В черных сучьях деревьев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.*

*(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком.)*

*Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...*

*Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука подлеца нажимала
Эту грязную кнопку звонка...*

*Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверь-
ми...
Разве дом этот – дом в самом де-
ле?
Разве так суждено меж людьми?*

*Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно
плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?*

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве это мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном за-
кате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел – твой свист замо-
гильный...
Чу! опять – бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и
пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на
ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстраш-
ней!
Я – не муж, не жених твой, не
друг!
Так вонзай же, мой ангел вчераш-
ний,
В сердце – острый французский
каблук!

6 декабря 1911

Авиатор

*Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.*

*Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...*

*Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...*

*Потом – напрасно ищет око:
На небе не найдешь следа:
В бинокле, вскинутом высоко,
Лишь воздух – ясный, как вода...*

*А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, все земное —
Как бы придавлено к земле...*

Но снова в золотом тумане

Как будто – неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

Все ниже спуск винтообразный,
Все круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразьи перерыв...

И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетеньи проволок машины
Рука – мертвее рычага...

Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвенья
Губительный изведаль ты,
Безумно возалкал паденья

И сам остановил винты?

*Иль отравил твой мозг несчаст-
ный*

*Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?*

1910 – январь 1912

«Повеселясь на буйном пире...»

Моей матери

*Повеселясь на буйном пире,
Вернулся поздно я домой;
Ночь тихо бродит по квартире,
Храня уютный угол мой.*

*Слились все лица, все обиды
В одно лицо, в одно пятно;
И ветер ночной поет в окно
Напевы сонной панихиды...*

*Лишь соблазнитель мой не спит;
Он льстиво шепчет: «Вот твой
скит.
Забудь о временном, о пошлом
И в песнях свято лги о прошлом».*

6 января 1912

Пляски смерти

1. «Как тяжело мертвецу среди людей...»

*Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притво-
ряться!*

*Но надо, надо в общество вти-
раться,
Скрывая для карьеры лязг ко-
стей...*

*Живые спят. Мертвец встает из
гроба,*

*И в банк идет, и в суд идет, в се-
нат...*

*Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.*

*Мертвец весь день трудится над
докладом.*

*Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабресный анекдот...*

*Уж вечер. Мелкий дождь зашле-
пал грязью*

Прохожих, и дома, и прочий

вздор...

А мертвеца – к другому безобразью

Скрежещущий несет таксомотор.

В зал многолюдный и многоколонный

Спешит мертвец. На нем – изящный фрак.

Его дарят улыбкой благосклонной

Хозяйка – дура и супруг – дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,

Но лязг костей музыкой заглушен...

Он крепко жмет приятельские руки —

Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами

С подругою – она, как он, мертва.

За их условно-светскими речами

Ты слышишь настоящие слова:

«Усталый друг, мне странно в этом зале». —

«Усталый друг, могила холодна». —

«Уж полночь». — «Да, но вы не приглашали

На вальс NN. Она в вас влюблена...»

*А там – NN уж ищет взором
страстным*

Его, его – с волнением в крови...

*В ее лице, девически прекрасном,
Бесмысленный восторг живой
любви...*

*Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,*

Как на плечо склонилась голова...

*И острый яд привычно-светской
злости*

*С нездешней злостью расточает
он...*

«Как он умен! Как он в меня влюблен!»

*В ее ушах – нездешний, странный
звон:*

То кости лязгают о кости.

19 февраля 1912
2. «Ночь, улица, фонарь, аптека...»

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.*

*Умрешь – начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

10 октября 1912
**3. «Пустая улица. Один огонь в
окне...»**

*Пустая улица. Один огонь в окне.
Еврей-аптекарь охает во сне.*

*А перед шкапом с надписью
Venepa[53],
Хозяйственно согнув скрипучие
колена,*

Скелет, до глаз закутанный пла-

щом,
Чего-то ищет, скалясь черным
ртом...

Нашел... Но ненароком чем-то
звякнул,
И череп повернул... Аптекарь
крякнул,

Привстал – и на другой свалился
бок...
А гость меж тем – заветный пу-
зырек

Сует из-под плаща двум женщи-
нам безносым
На улице, под фонарем белёсым.

Октябрь 1912
4. «Старый, старый сон. Из мрака...»

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут – куда?
Там – лишь черная вода,
Там – забвенья навсегда.

Тень скользит из-за угла,
К ней другая подползла.
Плащ распахнут, грудь бела,

Алый цвет в петлице фрака.

*Тень вторая – стройный латник,
Иль невеста от венца?
Шлем и перья. Нет лица.
Неподвижность мертвеца.*

*В воротах гремит звонок,
Глухо щелкает замок.*

*Переходят за порог
Проститутка и развратник...*

*Воет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.
Все равно.*

*Как свинец, черна вода.
В ней забвенья навсегда.
Третий призрак. Ты куда,
Ты, из тени в тень скользящий?*

7 февраля 1914

5. «Вновь богатый зол и рад...»

*Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад*

*Смотрит месяц бледный,
Насылает тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов...*

*Все бы это было зря,
Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.*

*Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.*

*Он – с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.*

*Шея скручена платком,
Под дырявым козырьком
Улыбается.*

7 февраля 1914
«Миры летят. Года летят. Пустая...»

*Миры летят. Года летят. Пу-
стая
Вселенная смотрит в нас мраком
глаз.*

А ты, душа, усталая, глухая,
О счастье твердишь, – который
раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глу-
ши?

Иль мрачные, порочные улады
Вина, страстей, погибели души?

Что счастье? Короткий миг и
тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься – вновь безумный, неиз-
вестный
И за сердце хватающий полет...

Вздохнул, глядишь – опасность
миновала...
Но в этот самый миг – опять
толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится
волчок!

И, уцепясь за край скользящий,
острый,
И слушая всегда жужжащий

звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене
пестрой
Придуманых причин, про-
странств, времен...
Когда ж конец? Назойливому зву-
ку
Не станет сил без отдыха вни-
мать...
Как страшно все! Как дико! – Дай
мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

2 июля 1912

«Есть игра: осторожно войти...»

*Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.*

*Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят, —
Он почувствует пристальный
взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.*

*А другой – точно сразу поймет:
Вздрогнут плечи, рука у него;*

Обернется – и нет ничего;
Между тем – беспокойство рас-
тет.

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.

Не корысть, не влюбленность, не
месть;
Так – игра, как игра у детей:
И в собрании каждом людей
Эти тайные сыщики есть.

Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей – не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом
из нас
Неизвестных, играющих сил...

О, тоска! Через тысячу лет
Мы не сможем измерить души:

*Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши...*

*А пока – в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...*

18 декабря 1913
«Как растет тревога к ночи!..»

*Как растет тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совесть мучит, жизнь хлопочет.
На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.*

*Что-то в мире происходит.
Утром страшно мне раскрыть
Лист газетный. Кто-то хочет
Появиться, кто-то бродит.
Иль – раздумал, может быть?*

*Гость бессонный, пол скрипучий?
Ах, не все ли мне равно!
Вновь сдружусь с кабацкой скрип-
кой,
Монотонной и певучей!
Вновь я буду пить вино!*

Все равно не хватит силы
Дотащиться до конца
С трезвой, лживою улыбкой,
За которой – страх могилы,
Беспокойство мертвеца.

30 декабря 1913
**«Ну, что же? Устало заломлены
слабые руки...»**

Ну, что же? Устало заломлены
слабые руки,
И вечность сама загляделась в по-
гасшие очи,
И муки утихли. А если б и были
высокие муки, —
Что нүжды? – Я вижу печальное
шествие ночи.

Ведь солнце, положенный круг
обойдя, закатилось.
Открой мои книги: там сказано
все, что свершится.
Да, был я пророком, пока это
сердце молилось, —
Молилось и пело тебя, но ведь
ты – не царица.

Царем я не буду: ты власти меч-

ты не делила.
Рабом я не стану: ты власти зем-
ли не хотела.
Вот новая ноша: пока не откроет
могила
Сырые объятья, – тащиться без
важного дела...

Но я – человек. И, паденье свое
признавая,
Тревогу свою не смирю я: она все
сильнее.
То ревность по дому[54], трево-
гою сердце снедая,
Твердит неотступно: Что дела-
ешь, делай скорее[55].

21 февраля 1914

Жизнь моего приятеля

1. «Весь день – как день: трудов исполнен малых...»

Весь день – как день: трудов ис-
полнен малых
И мелочных забот.
Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывет.

Волнуешься, – а в глубине покор-

ный:

Не выгорит – и пусть.

На дне твоей души, безрадостной
и черной,

Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница

Твоих дневных забот.

Когда ж в морозный мрак за-
смотрится столица

И полночь пропоет, —

И рад бы ты уснуть, но – страш-
ная минута!

Средь всяких прочих дум —

Бессмысленность всех дел, безра-
достность уюта

Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмет так неж-
но горло:

Ни охнуть, ни вздохнуть,

Как будто ночь на все проклятие
простерла,

Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы
глухие,

Но некому помочь:
Куда ни повернись – глядит в глаза
пустые
И провожает – ночь.

Там ветер над тобой на сквозняках
простонет
До бледного утра;
Городовой, чтоб не заснуть, отгонит
Бродягу от костра...

И, наконец, придет желанная
усталость,
И станет все равно...
Что? Совесть? Правда? Жизнь?
Какая это малость!
Ну, разве не смешно?

11 февраля 1914
2. «Поглядите: вот бессильный...»

Поглядите, вот бессильный,
Не умевший жизнь спасти,
И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.

В голубом морозном своде
Так приплюснут диск больной,

*Заплевавший все в природе
Нестерпимой желтизной.*

*Уходи и ты. Довольно
Ты терпел, несчастный друг,
От его тоски невольной,
От его невольных мук.*

*То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь.*

30 декабря 1913
3. «Все свершилось по писаньям...»

*Все свершилось по писаньям:
Остудился юный пыл,
И конец очарованьям
Постепенно наступил.*

*Был в чаду, не чуя чада,
Утешался мукой ада,
Перечислил все слова,
Но – болела голова...*

*Долго, жалобно болела,
Тело тихо холодело,
Пробудился: тридцать лет.*

Хватать-похватать, – а сердца нет.

*Сердце – крашеный мертвец.
И, когда настал конец,
Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.*

30 декабря 1913

**4. «Когда невзначай в
воскресенье...»**

*Когда невзначай в воскресенье
Он душу свою потерял,
В сыскное не шел отделение,
Свидетелей он не искал.*

*А было их, впрочем, не мало:
Дворовый щенок голосил,
В воротах старуха стояла,
И дворник на чай попросил.*

*Когда же он медленно вышел,
Подняв воротник, из ворот,
Таращил сочувственно с крыши
Глазищи обмызганный кот.*

*Ты думаешь, тоже свидетель?
Так он и ответит тебе!
В такой же гульбе*

Его добродетель!

30 декабря 1913
5. «Пристал ко мне нищий дурак...»

*Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.
«Где деньги твои?» – «Снес в ка-
бак».*

*«Где сердце?» – «Закинута в
омут».*

*«Чего ж тебе надо?» – «Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в униженьи, смиренен,
А больше, мой друг, ничего».*

*«Что лезешь ты в сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!»
«Ты думаешь, милый, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись...»*

*И правда (ну, задал задачу!),
Гляжу – близь меня никого...
В карман посмотрел – ничего...
Взглянул в свое сердце... и плачу.*

30 декабря 1913
6. «День проходил, как всегда...»

День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
О службе рассказывал друг,
Другой – о Христе,
О газете – четвертый.
Два стихотворца (поклонники
Пушкина)
Книжки прислали
С множеством рифм и размеров.
Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпиграфов
(Из Надсона и символистов).
После – под звон телефона —
Посыльный конверт подавал,
Надушённый чужими духами.
Розы поставьте на стол —
Написано было в записке,
И приходилось их ставить на
стол...
После – собрат по перу,
До глаз в бороде утонувший,
О причитаньях у южных хорва-
тов
Рассказывал долго.
Критик, громя футуризм,
Символизмом шпынял,

Заклучив реализмом.
В кинематографе вечером
Знатный барон целовался под
пальмой
С барышней низкого званья,
Ее до себя возвышая...
Все было в отменном порядке.

Он с вечера крепко уснул
И проснулся в другой стране.
Ни холод утра,
Ни слово друга,
Ни дамские розы,
Ни манифест футуриста,
Ни стихи пушкиньянца,
Ни лай собачий,
Ни грохот тележный —
Ничто, ничто
В мир возвратить не могло...

И что поделаешь, право,
Если отменный порядок
Милого дольного мира
В сны иногда погрузит,
И в снах этих многое снится...
И не всегда в них такой,
Как в мире, отменный порядок...

Нет, очнешься порой,
Взволнован, встревожен
Воспоминанием смутным,
Предчувствием тайным...
Буйно забьются в мозгу
Слишком светлые мысли...
И, укрощая их буйство,
Словно пугаясь чего-то, – не луч-
ше ль,
Думаешь ты, чтоб и новый
День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом?

24 мая 1914
7. «**Греши, пока тебя волнуют...**»

Говорят черти:
Греши, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи.

На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебе по нраву,
Пока не тягостно оно.

Сверкнут ли дерзостные очи —
Ты их сверканий не отринь,

*Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное «аминь».*

*Ведь все равно – очарованье
Пройдет, и в сумасшедший час
Ты, в испугленном покаяньи,
Проклясть замыслишь бедных,
нас.*

*И станешь падать – но толпою
Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою
О камень не преткнулся ты...*

10 декабря 1915

8. «Когда осилила тревога...»

Говорит смерть:
*Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумел,
Он разучился славить Бога
И песни грешные запел.*

*Но, оторопью обуянный,
Он прозревал, и смутный рой
Былых видений, образ странный
Его преследовал порой.*

Но он измучился – и ранний

*Жар юности простыл – и вот
Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встает.*

*Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,
А сам – к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь.*

*С него довольно славить Бога —
Уж он – не голос, только – стон.
Я отворю. Пускай немного
Еще помучается он.*

10 декабря 1915

**Демон («Иди, иди за мной –
покорной...»)**

*Иди, иди за мной – покорной
И верною моей работой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.*

*Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный —
Лишь вдохновеньем для меня.*

Я от дождя эфирной пыли

И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой, —

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездюю,
Землею кажется звезда.

И, онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры —
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

*Дрожь от страха и бессилья,
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.*

*И под божественной улыбкой,
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...*

9 июня 1910

Голос из хора

*Как часто плачем – вы и я —
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!*

*Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!*

*Лжи и коварству меры нет,
А смерть – далека.
Все будет чернее страшный свет,
И все безумней вихрь планет
Еще века, века!*

*И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Все небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...*

*Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кри-
чать,
Как камень, канет...*

*Будьте ж довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!*

6 июня 1910 – 27 февраля 1914

Возмездие (1908–1913)

«О доблестях, о подвигах, о славе...» [56]

*О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.*

*Но час настал, и ты ушла из до-
му.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.*

*Летели дни, крутясь проклятым
роем...
Вино и страсть терзали жизнь
мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость
свою...*

*Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завер-
нулась,*

В сырую ночь ты из дому ушла.

*Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ
твой синий,
В котором ты в сырую ночь
ушла...*

*Уж не мечтать о нежности, о
славе,
Все миновалось, молодость про-
шла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.*

30 декабря 1908

Забывшие тебя

*И час настал. Свой плащ скрути-
ло время,
И меч блеснул, и стены разо-
шлись.
И я пошел с толпой – туда, за все-
ми,
В туманную и злую высь.*

*За кручами опять открылись кру-
чи,*

Народ роптал, возжди лишились сил.

*Навстречу нам пели грозовые тучи,
Их молний снап дробил.*

*И руки повисали, словно плети,
Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам, рыдали дети,
И жены кутались в платки.*

*И я, без сил, отстал, ушел из строя,
За мной – толпа сопутников моих,
Нам не сияло небо голубое,
И солнце – в тучах грозовых.*

*Скитались мы, беспомощно роптали,
И прежних хижин не могли найти,
И, у ночных костров сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути...*

Напрасный жар! Напрасные скитанья!

Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так – суждена безрадостность
мечтанья
Забывшему Тебя.

1 августа 1908

«Она, как прежде, захотела...»

Она, как прежде, захотела
Вдохнуть дыхание свое
В мое измученное тело,
В мое холодное жилье.

Как небо, встала надо мною,
А я не мог навстречу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковал о ней...

Смотрел я тусклыми глазами,
Как надо мной она грустит,
И больше не было меж нами
Ни слов, ни счастья, ни обид...

Земное сердце уставало
Так много лет, так много дней...
Земное счастье запоздало
На тройке бешеной своей!

Я, наконец, смертельно болен,

Дышу иным, иным томлюсь,
Закатом солнечным доволен
И вечной ночи не боюсь...

Мне вечность заглянула в очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костер волненья залила...

30 июля 1908
**«Я сегодня не помню, что было
вчера...»**

Я сегодня не помню, что было вче-
ра,
По утрам забываю свои вечера,
В белый день забываю огни,
По ночам забываю дни.
Но все ночи и дни наплывают на
нас
Перед смертью, в торжествен-
ный час.
И тогда – в духоте, в тесноте
Слишком больно мечтать
О былой красоте
И не мочь:
Хочешь встать —
И ночь.

З февраля 1909

«Когда я прозревал впервые...»

*Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждающей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.*

*Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом исказила
Все, чем жива была мечта.*

*Замолкли ангельские трубы,
Немотствует дневная ночь.
Верни мне, жизнь, хоть смех без-
зубый,
Чтоб в тишине не изнемочь!*

Март 1909

«Дохнула жизнь в лицо могилой...»

*Дохнула жизнь в лицо могилой —
Мне страстной бурей не вздох-
нуть.
Одна мечта с упрямой силой
Последний открывает путь:*

Пою, пою свои творенья

Незримым ядом мертвеца,
Чтоб гневной зрелостью презре-
нья
Людские отравлять сердца.

М^{арт 1909} «**Весенний день прошел без дела...**»

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окнах што-
ры?
День догорел в душе давно.

М^{арт 1909} «**Ты в комнате один сидишь...**»

Ты в комнате один сидишь.
Ты слышишь?
Я знаю: ты теперь не спишь...

Ты дышишь и не дышишь.

Зачем за дверью свет погас?
Не бойся!

Я твой давно забытый час,
Стучусь – откройся.

Я знаю, ты теперь в бреду,
Мятежный!
Я все равно к тебе войду,
Старинный друг и нежный...

Не бойся вспоминать меня:
Ты был так молод...
Ты сел на белого коня,
И щеки жег осенний холод!

Ты полетел туда, туда —
В янтарь закатный!
Немудрый, знал ли ты тогда
Свой нищий путь возвратный?

Теперь ты мудр: не прекословь —
Что толку в споре?
Ты помнишь первую любовь
И зори, зори, зори?

Зачем склонился ты лицом

Так низко?
Утешься: ветер за окном —
То трубы смерти близкой!

Открой, ответь на мой вопрос:
Твой день был ярок?
Я саван царственный принес
Тебе в подарок!

Март 1909

Шаги Командора

В. А. Зоргенфрею[57]

Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном – туман.
Что теперь твоя постылая сво-
бода,
Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спаль-
не,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнако-
мой, дальней
Слышно пенье петуха.

Что изменнику блаженства зву-
ки?

Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на
сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в мо-
гиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ – победно и влюблен-
но —
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огня-
ми,
Черный, тихий, как сова, мотор,
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной
стужи,
Словно хриплый бой ночных ча-
сов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.

Я пришел. А ты готов?...»

*На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа – тишина.*

*В пышной спальне страшно в час
рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.*

*В час рассвета холодно и стран-
но,
В час рассвета – ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! – Тишина.*

*Только в грозном утреннем ту-
мане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой
встанет.
Анна встанет в смертный час.*

Сентябрь 1910 – 16 февраля 1912
«Как свершилось, как случилось?..»

*Как свершилось, как случилось?
Был я беден, слаб и мал.
Но Великий неких тайна
Мне до времени открылась,
Я Высокое познал.*

Недостойный раб, сокровищ,
Мне врученных, не храня,
Был я царь и страж случайный.
Сонмы лютые чудовищ
Налетели на меня.

Приручил я чарой лестью
Тех, кто первые пришли.
Но не счесть нам вражьей силы!
Ощетинившейся местью
Остальные поползли.

И, покинув стражу, к ночи
Я пошел во вражий стан.
Ночь курилась, как кадило.
Ослепительные очи
Повлекли меня в туман.

Падший ангел, был я встречен
В стане их, как юный бог.
Как прекрасный небожитель,
Я царицей был замечен,
Я входил в ее чертог,

В тот чертог, который в пепел
Обратится на земле.
Но не спал мой грозный Мсти-
тель:

Лик Его был гневно-светел
В эти ночи на скале.

И рассвет мне в очи глянул,
Наступил мой скудный день.
Только крыл раздался трепет,
Кто-то мимо в небо канул,
Как разгневанная тень.

Было долгое томленье.
Думал я: не будет дня.
Бред безумный, страстный лепет,
Клятвы, цепи, уверенья
Доносились до меня.

Но, тоской моей гонима,
Нежить сгинула, – и вдруг
День жестокий, день железный
Вкруг меня неумолимо
Очертил замкнутый круг.

Нет конца и нет начала,
Нет исхода – сталь и сталь.
И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль.

Не таюсь я перед вами,

Посмотрите на меня:
Я стою среди пожаращ,
Обожженный языками
Преисподнего огня.

Где же ты? не медли боле.
Ты, как я, не ждешь звезды.
Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невеселые труды.

10 декабря 1913

Ямбы
(1907–1914)

Fecit indignatio versum.
Juven. Sat. I, 79[58]

*Посвящается памяти моей покойной
сестры Ангелины Александровны Блок*

«О, я хочу безумно жить...»

*О, я хочу безумно жить:
Все сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!*

*Пусть душит жизни сон тяже-
лый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:*

*Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!*

5 февраля 1914

«Я ухо приложил к земле...» [59]

Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном ду-
шу
Бессмертную томишь во мгле!
Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!
Ты роешься, подземный крот [60]!
Я слышу трудный, хрипый го-
лос...
Не медли. Помни: слабый колос
Под их секирой упадет...
Как зерна, злую землю рой
И выходи на свет. И ведай:
За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.
Лелей, пои, таи ту новь,
Пройдет весна – над этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
Созреет новая любовь.

3 июня 1907

«Тропами тайными, ночными...»

Тропами тайными, ночными,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит времен величье
И розоперстая судьба!
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!
Все, все – да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!

3 июня 1907

«В голодной и больной неволе...»

В голодной и больной неволе
И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ?

Что лето, шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь под тайным ветром,
злаки:
Пора цветенья началась.

Народ – венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать Господня лета
Благоприятного – и нам.

15 февраля 1909
«Не спят, не помнят, не торгуют...»

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданием,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страда-
нием
Трезвонят до потери сил...

Над мировую чепуху;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховой,
В которой ты была в ту ночь[61].

30 марта 1909
Ревель

«О, как смеялись вы над нами...» [62]

*О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили вас!
Но мы – все те же. Мы, поэты,
За вас, о вас тоскуем вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты...
И так же прост наш тихий храм,
Мы на стенах читаем сроки...
Так смейтесь, и не верьте нам,
И не читайте наши строки
О том, что под землей струи
Поют, о том, что бродят све-
ты...*

*Но помни Тютчева заветы:
Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...*

Январь 1911
«Я – Гамлет. Холодеет кровь...»

*Я – Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,*

*И в сердце – первая любовь
Жива – к единственной на свете.*

*Тебя, Офелию мою,
Увел далеко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.*

6 февраля 1914

«Так. Буря этих лет прошла...»

*Так. Буря этих лет прошла.
Мужик поплелся бороздою
Сырой и черной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...*

*И страшно, и легко, и больно;
Опять весна мне шепчет:
встань...*

*И я целую богомольно
Ее невидимую тканьь...*

*И сердце бьется слишком скоро,
И слишком молодеет кровь,
Когда за тучкой легкоперой
Сквозит мне первая любовь...*

*Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...*

Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!

14 февраля 1909
«Да. Так велит мне вдохновенье...»

Да, так велит мне вдохновенье:
Моя свободная мечта
Все льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.
И я люблю сей мир ужасный:
За ним сквозит мне мир иной,
Обетованный и прекрасный,
И человечески простой.
И если ты не жнешь, не сеешь,
Коль ты «так просто – человек»,
То что ты знаешь? Что ты сме-
ешь
Судить в безумный этот век?
Ты был когда-нибудь унижен
Болезнью, голодом, нуждой?
Ты видел ли детей в Париже?
Иль нищих на мосту зимой? —
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне,
И пусть разит твой гордый гнев
Не тех, кто тащит жизни бре-

мя...
Иной и злое сеял семя,
Но не бесплоден был посев...
Он прав хоть тем, что жизни
этой
Румяна жирные отверг,
Что, как пугливый крот, от све-
та
Зарылся в землю, там померк,
Всю жизнь жестоко ненавидя
И проклиная этот свет,
Пускай грядущего не видя,
Дням настоящим молвив: Нет!

Сентябрь 1911
«Земное сердце стынет вновь...»

*Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.*

*Но за любовь – преет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья иль избранья.*

*Пускай зовут: Забудь, поэт!
Вернись в красивые уюты!*

Нет! Лучше сгинуть в стуже лю-
той!

Уюта – нет. Покоя – нет.

1911 – 6 февраля 1914
«**В огне и холоде тревог...**»

*В огне и холоде тревог —
Так жизнь пройдет. Запомним
оба,
Что встретиться судил нам Бог
В час искупительный – у гроба.*

*Я верю: новый век взойдет
Средь всех несчастных поколений.
Недаром славит каждый род
Смертельно оскорбленный гений.*

*И все, как он, оскорблены
В своих сердцах, в своих певучих.
И всем – священный меч войны
Сверкает в неизбежных тучах.*

*Пусть день далек – у нас все те ж
Заветы юношам и девам:
Презенье созревает гневом.
А зрелость гнева – есть мятеж.*

Разыгрывайте жизнь, как фант.

*Сердца поэтов чутко внемлют,
В их беспокойстве – воли дрем-
лют;
Так точно – черный бриллиант*

*Спит сном неведомым и стран-
ным,
В очарованьи бездыханном,
Среди глубоких недр, – пока
В горах не запоет кирка.*

16 февраля 1914

Итальянские стихи (1909)

*Sic finit occulte sic multos decipit
aetas
Sic venit ad finem quidquid in orbe
manet
Heu heu praeteritum non est
revocabile tempus
Heu propius tacito mors venit ipsa
pede[63].*

*Надпись под часами в церкви Santa
Maria Novella (Флоренция)*

Равенна[64]

*Все, что минутно, все, что брен-
но,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.*

*Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.*

*От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц,*

*Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Гал-
лы[65],
Проснувшись, камня не прожжет.*

*Военной брани и обиды
Забут и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.*

*Далеко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.*

*А виноградные пустыни,
Дома и люди – все гроба.
Лишь медь торжественной ла-
тыни
Поет на плитах, как труба.*

Лишь в пристальном и тихом взо-

*ре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.*

*Лишь по ночам, склонясь к доли-
нам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни[66] мне поет.*

Май – июнь 1909

Из цикла «Венеция»

1. «С ней уходил я в море...»

*С ней уходил я в море,
С ней покидал я берег,
С нею я был далеко,
С нею забыл я близких...*

*О, красный парус
В зеленой дали!
Черный стеклярус
На темной шали!*

*Идет от сумрачной обедни,
Нет в сердце крови...
Христос, уставший крест нести...*

Адриатической любви —
Моей последней —
Прости, прости!

9 мая 1909

2. «Холодный ветер от лагуны...»

Евг. Иванову

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь – больной и юный —
Простерт у львиного столба[67].

На башне, с песнию чугунной,
Гиганты[68] бьют полночный час.
Марк[69] утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

В тени дворцовой галереи,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея[70]
С моей кровавой головой.

Все спит – дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользкий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный
мрак.

Август 1909

Флоренция[71]

1. «Умри, Флоренция, Иуда...»

*Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!
Я в час любви тебя забуду,
В час смерти буду не с тобой!*

*О, Bella[72], смейся над собою,
Уж не прекрасна больше ты!
Гнилой морщиной гробовою
Искажены твои черты!*

*Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!*

*Звонят в пыли велосипеды
Там, где святой монах[73] со-
жжен,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато[74] снился синий сон!*

*Ты пышных Мэдицей[75] трево-
жишь,
Ты топчешь лилии[76] свои,
Но воскресить себя не можешь*

В пыли торговой толчеи!

*Гнусавой мессы стон протяжный
И трупный запах роз в церквах —
Весь груз тоски многоэтаж-
ный —
Сгинь в очистительных веках!*

М^{ай} – июнь 1909
2. «Флоренция, ты ирис нежный...»

*Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один*

*Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашин[77]
?*

*О, сладко вспомнить безнадеж-
ность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в неж-
ность
Своей стареющей души...*

*Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя.*

Июнь 1909

**3. «Страстью длинной,
безмятежной...»**

*Страстью длинной, безмятеж-
ной
Занялась душа моя,
Ирис дымный, ирис нежный,
Благовония струя,
Переплыть велит все реки
На воздушных парусах,
Утонуть велит навеки
В тех вечерних небесах,
И когда предамся зною,
Голубой вечерний зной
В голубое голубою
Унесет меня волной...*

Июнь 1909

4. «Жгут раскаленные камни...»

*Жгут раскаленные камни
Мой лихорадочный взгляд.
Дымные ирисы в пламени,
Словно сейчас улетят.
О, безысходность печали,
Знаю тебя наизусть!
В черное небо Италии
Черной душою гляжусь.*

И *юнь 1909*

5. «Окна ложные на небе черном...»

*Окна ложные на́ небе черном,
И прожектор на древнем дворце.
Вот проходит она – вся в узорном
И с улыбкой на смуглом лице.*

*А вино уж мутит мои взоры
И по жилам огнем разлилось...
Что мне спеть в этот вечер, синьора?
Что мне спеть, чтоб вам сладко
спалось?*

И *юнь 1909*

6. «Под зноем флорентийской лени...»

*Под зноем флорентийской лени
Еще беднее чувством ты:
Молчат церковные ступени,
Цветут нерадостно цветы.*

*Так береги остаток чувства,
Храни хоть творческую ложь:
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.*

17 мая 1909

7. «Голубоватым дымом...»

*Голубоватым дымом
Вечерний зной возносится,
Долин тосканских царь...*

*Он мимо, мимо, мимо
Летучей мышью бросится
Под уличный фонарь...*

*И вот уже в долинах
Несметный сонм огней.
И вот уже в витринах
Ответный блеск камней,
И город скрыли горы
В свой сумрак голубой,
И тешатся синьоры
Канцоной площадной.
Дымится пыльный ирис,
И легкой пеной пенится
Бокал Христовых Слез...*

*Пляши и пой на пире,
Флоренция, изменница,
В венке спаленных роз!..*

*Сведи с ума канцоной
О преданной любви,*

*И сделай ночь бессонной,
И струны оборви,
И бей в свой бубен гулкий,
Рыдания тая!
В пустынном переулке
Скорбит душа твоя...*

А вгуст 1909
«Искусство – ноша на плечах...»

*Искусство – ноша на плечах,
Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах
кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей
И грезить, будто жизнь сама
Встает во всем шампанском
блеске
В мурлыкающем нежно треске
Мигающего снѣга! [78]
А через год – в чужой стране:
Усталость, город неизвестный,
Толпа, – и вновь на полотне
Черты француженки прелест-
ной!..*

Июнь 1909
Foligno

Благовещение

*С детских лет – видения и грезы,
Умбрии ласкающая мгла.
На оградах вспыхивают розы,
Тонкие поют колокола.*

*Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый
взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.*

*Робкие томят ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно – красные одежды
Дрогнули на золоте стены.*

*Всем лицом склонилась над шел-
ками,
Но везде – сквозь золото ресниц —
Вихрь ли с многоцветными кры-
лами
Или ангел, распростертый ниц...*

*Темноликий ангел с дерзкой вет-
вью*

Молвит: «Здравствуй! Ты полна
красы!»

И она дрожит пред страстной ве-
стью,
С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет – ближе, бли-
же,
Уж над ней – шумящих крыл ша-
тер...
И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший
взор...

Трепеща, не верит: «Я ли, я ли?»
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали —
Не уйти, не встать и не вздох-
нуть...

И тогда – неизвестную болью
Озарился светлый круг лица...
А над ними – символ своеволия —
Перуджийский гриф[79] когтит
тельца.

Лишь художник, занавесью скры-
тый, —

Он провидит страстной муки
крест
И твердим: «Profani, procul ite,
Nis amoris locus sacer est»[80].

Май – июнь 1909
Perugia – Spoleto

Успение[81]

Ее спеленутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.

Уже не шумный и не ярый,
С волненьем, в сжатые персты
В последний раз архангел старый
Влагает белые цветы.

Златит далекие вершины
Прощальным отблеском заря,
И над туманами долины
Встают усопших три царя.

Их привела, как в дни былые,
Другая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Как встарь, сгоняют с гор стада.

*И стражей вечному покою
Долины заступила мгла.
Лишь меж звездою и зарею
Златятся нимбы без числа.*

*А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль,
И над открытым саркофагом
Могильный ангел смотрит вдаль.*

4 июня 1909
Spoleto

Разные стихотворения (1908–1916)

За гробом

*Божья Матерь Утоли мои печали
[82]*

*Перед гробом шла, светла, тиха.
А за гробом – в траурной вуали
Шла невеста, провожая жениха...*

*Был он только литератор мод-
ный,
Только слов кощунственных тво-
рец...
Но мертвец – родной душе народ-
ной:
Всякий свято чтит она конец.*

*А навстречу кланялись, крестили
Многодумный, многотрудный
лоб.
А друзья и близкие пылили
На икону, на нее, на гроб...*

*И с какою бесконечной грустью
(Не о нем – Бог весть о ком?)
Приняла она слова сочувствий*

И венок случайный за венком...

*Этих фраз избитых повторенья,
Никому не нужные слова —
Возвела она в венец творенья,
В тайную улыбку божества...*

*Словно здесь, где пели и кадили,
Где и грусть не может быть ти-
ха,
Убралась она фатой от пыли
И ждала Иного Жениха...*

6 июля 1908

Друзьям[83]

Молчите, проклятые струны!
А. Майков

*Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!*

*Что делать! Ведь каждый ста-
рался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!*

Что делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, прокля-
тый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля – так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достоянием доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,

*Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!*

24 июля 1908

Поэты

*За городом вырос пустынный
квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, – и каждый
встречал
Другого надменной улыбкой.*

*Напрасно и день светозарный
вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвя-
щал
Вину и усердным работам.*

*Когда напивались, то в дружбе
клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запер-
шись,
Работали тупо и рьяно.*

Потом вылезали из будок, как

псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей ко-
сы
Пленялись со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке зла-
том,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым
цветком,
Над маленькой тучкой жемчуж-
ной...

Так жили поэты. Читатель и
друг!
Ты думаешь, может быть, – хуже
Твоих ежедневных бессильных по-
туг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой кри-
тик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно все это!..

Ты будешь доволен собой и женой,

*Своей конституцией куцой,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!*

*Пускай я умру под забором, как
пес,
Пусть жизнь меня в землю втоп-
тала, —
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!*

24 июля 1908
«Когда замрут отчаянье и злоба...»

*Когда замрут отчаянье и злоба,
Нисходит сон. И крепко спим мы
оба
На разных полюсах земли.*

*Ты обо мне, быть может, гре-
зишь в эти
Часы. Идут часы походкою столе-
тий,
И сны встают в земной дали.*

*И вижу в снах твой образ, твой
прекрасный,
Каким он был до ночи злой и
страстной,*

Каким являлся мне. Смотри:

*Все та же ты, какой цвела ко-
гда-то,
Там, над горой туманной и зубча-
той,
В лучах немеркнущей зари.*

1 августа 1908

«Все это было, было, было...»

*Все это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?*

*В час утра, чистый и хрусталь-
ный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?*

*Иль в ночь на Пасху, над Невою,
Под ветром, в стужу, в ледоход —
Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?*

*Иль на возлюбленной поляне
Под шелест осени седой*

*Мне тело в дождевом тумане
Расклубет коршун молодой?*

*Иль просто в час тоски беззвезд-
ной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях?*

*И в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,
И буду так же помнить дождей,
Как нынче помню Калиту?*

*Но верю – не пройдет бесследно
Все, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!*

А вгуст 1909

Сусальный ангел

*На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щел-
ку
Закрытых наглухо дверей.*

А няня топит печку в детской,

Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он – немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад.
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет – нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка – душа...

25 ноября 1909

Сон

Моей матери

Я видел сон: мы в древнем склепе
Схоронены; а жизнь идет
Вверху – все громче, все нелепей;
И день последний настает.

Чуть брежжит утро Воскресе-
нья.

Труба далекая слышна.
Над нами – красные каменья
И мавзолей из чугуна.

И он идет из дымной дали;
И ангелы с мечами – с ним;
Такой, как в книгах мы читали,
Скучая и не веря им.

Под аркою того же свода
Лежит спокойная жена:
Но ей не дорога свобода:
Не хочет воскресать она...

И слышу, мать мне рядом шеп-
чет:
«Мой сын, ты в жизни был силен:
Нажми рукою свод покрепче,
И камень будет отвален».

«Нет, мать. Я задохнулся в гробе,

*И больше нет бывалых сил.
Молитесь и просите обе,
Чтоб ангел камень отвалил».*

20 июня 1910

Комета[84]

*Ты нам грозишь последним ча-
сом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы – по атласам
Выводят шелком миру: да!
Но будят ночь все тем же гла-
сом —
Стальным и ровным – поезда!*

*Всю ночь льют свет в твои селе-
нья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стекла
крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш[85]!*

*Наш мир, раскинув хвост павли-
ний,
Как ты, исполнен буйством грез:
Через Симплон[86], моря, пусты-*

ни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу – стре-
мят отныне
Полет – стада стальных стрекоз!

Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смолкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!

Сентябрь 1910

**«Ты помнишь? В нашей бухте
сонной...» [87]**

Ты помнишь? В нашей бухте сон-
ной
Спала́ зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре – серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,

*И вдруг – суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.*

*И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...*

*Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, – и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.*

*Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет стран-
ным,
Закутанным в цветной туман!*

1911 – 6 февраля 1914
Aber'Wrach, Finistère

«Благословляю все, что было...»

*Благословляю все, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!*

*Пускай и счастье и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой ску-
ке —
Я не утратил прежний свет.*

*И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть – вдвоем.
Все то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоём.*

*Глядят внимательные очи,
И сердце бьёт, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.*

15 января 1912

Вячеславу Иванову

*Был скрипок вой в разгаре бала.
Вином и кровию дыша,
В ту ночь нам судьбы диктовала
Восстанья страшная душа.*

*Из страд чужих, из стран далеких
В ваш огонь вступивши снеговой,
В кругу безумных, томнооких
Ты золотою встал главой.*

Слегка согбен, не стар, не молод,
Весь – излученье тайных сил,
О, скольких душ пустынный холод
Своим ты холодом пронзил!

Был миг – неведомая сила,
Восторгом разрывая грудь,
Сребристым звоном оглушила,
Секучим снегом ослепила,
Блаженством исказила путь!

И в этот миг, в спящей вьюге,
Не ведаю, в какой стране,
Не ведаю, в котором круге,
Твой странный лик явился мне...

И я, дичившийся доселе
Очей пронзительных твоих,
Взглянул... И наши души спели
В те дни один и тот же стих.

Но миновалась ныне вьюга.
И горькой складкой те года
Легли на сердце мне. И друга
В тебе не вижу, как тогда.

Как в годы юности, не знаю
Бездонных чар твоей души...

*Порой, как прежде, различаю
Песнь соловья в твоей глуши...*

*И много чар, и много песен,
И древних ликов красоты...
Твой мир, поистине, чудесен!
Да, царь самодержавный – ты.*

*А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд твой смотрю.*

18 *апреля 1912*
«И вновь – порывы юных лет...»

*И вновь – порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнений...
Но счастья не было – и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!*

*Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел – тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,*

И, наконец, увидишь ты,

*Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на полжизни не хватило,*

*Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И все уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь, —*

*И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастьем привыкли звать!*

19 июня 1912

Художник

*В жаркое лето и в зиму метель-
ную,
В дни ваших свадеб, торжеств,
похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку
смертельную
Легкий, доселе не слышанный
звон.*

*Вот он – возник. И с холодным
вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и*

убить.

И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирини рай-
ские

В листьях поют? Или время сто-
ит?

Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел
летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в
грядущее.

Нет настоящего. Жалкого – нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом, про-
клятие:

Творческий разум осилил – убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

*Вот моя клетка – стальная, тяжёлая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.*

*Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду – и скучаю опять.*

12 декабря 1913
**«О нет! не расколдуешь сердца
Ты...»**

*О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестью, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Всё призрак, всё мертвец, в лучах
мечты.*

*И ты уйдешь. И некий саван белый
Прижмешь к губам ты, пребывая
в снах.
Всё будет сном: что ты хоронишь
тело,
Что ты стоишь три ночи в голо-*

вах.

*Упоена красивыми мечтами,
Ты укоризны будешь слать судьбе.
Украшишь ты нежнейшими цве-
тами
Могильный холм, приснившийся
тебе.*

*И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день и в день сороко-
вой —
Неузнанной, красивой, неживою.
Такой ведь ты искала? – Да, та-
кой.*

*Когда же грусть твою погасит
время,
Захочешь жить, сначала робко,
ты
Другими снами, сказками не те-
ми...
И ты простой возжаждешь красо-
ты.*

*И он придет, знакомый, долго-
жданный,
Тебя будить от неземного сна.*

И в мир другой, на миг благоухан-
ный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой
новый друг,
В тот самый миг, когда твой
смех жемчужный
Ему расскажет, что прошел
недуг.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг – очнешься: пусто; нет ог-
ня;
И в этот час, под ласками чужи-
ми,
Припомнишь ты и призовешь –
меня!

Как иступленно ты протянешь
руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невоз-
можных,

*Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах
тревожных:
Их тайный жар тебе поможет
жить.*

15 декабря 1913

Перед судом

*Что же ты потупилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня.
Вот какой ты стала – в униженьи,
В резком, неподкупном свете дня!*

*Я и сам ведь не такой – не прежний,
Недоступный, гордый, чистый,
злой.
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.*

*Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,*

Многим женщинам сужденный
путь...

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бре-
мя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе – ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стег-
нула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. —
Все-таки, когда-нибудь счастли-

вой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь – такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

11 октября 1915

Антверпен

Пусть это время далекó,
Антверпен! – И за морем крови
[88]

Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.

И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, до-
кам,
И пахнет снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер

[89]:

Ему на Конго курс держать...

*А ты – во мглу веков глядишь
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис
[90];*

*Там в складки платья Саломеи
Цветы из золота вплелись...*

*Но все – притворство, все – обман:
Взгляни наверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан.*

5 октября 1914

«Похоронят, зароят глубоко...»

*Похоронят, зароят глубоко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: далеко, высоко
На земле где-то дождик идет.*

*Ни о чем уж мы больше не спро-
сим,
Пробудясь от ленивого сна.
Знаем: если не громко – там
осень,*

Если бурно – там, значит, весна.

*Хорошо, что в дремотные звуки
Не вступают восторг и тоска,
Что от муки любви и разлуки
Упасла гробовая доска.*

*Торопиться не надо, уютно;
Здесь, пожалуй, надумаем мы,
Что под жизнью беспутной и
путной
Разумели людские умы.*

18 октября 1915
«На улице – дождик и слякоть...»

*На улице – дождик и слякоть,
Не знаешь, о чем горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.*

*Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка наколем лучины,
Раздуем себе самовар!*

*Авось хоть за чайным похмельем
Ворчливые речи мои
Затеплят случайным весельем*

Сонливые очи твои.

За верность старинному чину!
За то, чтобы жить не спеша!
Авось и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!

10 декабря 1915
**«Ты твердишь, что я холоден,
замкнут и сух...»**

Ты твердишь, что я холоден, за-
мкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал
дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.

Ты и сам был когда-то мрачней и
смелей,
По звездам прочитать ты умел,
Что грядущие ночи – темней и
темней,
Что ночам неизвестен предел.

Вот – свершилось. Весь мир оди-
чал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.
И тому, кто не понял вещания

звезд, —
Нестерпим окружающий мрак.

И у тех, кто не знал, что прошед-
шее есть,
Что грядущего ночь не пуста, —
Затуманила сердце усталость и
месть,
Отвращенье скривило уста...

Было время надежды и веры боль-
шой —
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и
детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...

А теперь – тех надежд не оты-
щешь следа,
Все к далеким звездам унеслось.
И к кому шел с открытой душою
тогда,
От того отвернуться пришлось.

И сама та душа, что, пылая, жда-
ла,
Треволненьям отдаться спеша, —
И враждой, и любовью она изо-

шла,
И сгорела она, та душа.

И остались – улыбкой сведенная
бровь,
Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую
кровь,
Зажигая звериную страсть...

Не стучись же напрасно у плот-
ных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участия у бед-
ных зверей,
Называвшихся прежде людьми.

Ты – железною маской лицо за-
крывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.

9 июня 1916

Арфы и скрипки (1908–1916)

«Свирель запела на мосту...»

*Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.*

*Свирель поет: взошла звезда,
Пастух, гони стада...
И под мостом поет вода:
Смотри, какие быстрины.
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...
Такой глубокой тишины
Не слышал никогда...*

*Смотри, какие быстрины,
Когда ты видел эти сны?...*

22 мая 1908

«И я любил. И я изведал...»

*И я любил. И я изведal
Безумный хмель любовных мук,
И пораженья, и победы,
И имя: враг; и слово: друг.*

*Их было много... Что я знаю?
Воспоминанья, тени сна...
Я только странно повторяю
Их золотые имена.*

*Их было много. Но одною
Чертой соединил их я,
Одной безумной красотой,
Чье имя: страсть и жизнь моя.*

*И страсти таинство свершая,
И поднимаясь над землей,
Я видел, как идет другая
На ложе страсти роковой...*

*И те же ласки, те же речи,
Постылый трепет жадных уст,
И примелькавшиеся плечи...
Нет! Мир бесстрастен, чист и
пуст!*

*И, наполняя грудь весельем,
С вершины самых снежных скал*

Я шлю лавину тем ущельям,
Где я любил и целовал!

30 марта 1908
«Май жестокий с белыми ночами!..»

Вл. Пясту[91]

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!
Хорошо в лугу широким кругом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым
другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подру-
гам,
Страстью, грустью, счастьем
изойти, —
Но достойней за тяжелым плу-
гом
В свежих росах поутру идти!

28 мая 1908

Три послания

В.[92]

1. «Все помнит о весле вздыхающем...»

*Все помнит о весле вздыхающем
Мое блаженное плечо...
Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чем...*

*Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...
И уходящий в ночи белые
Неверный призрак корабля...*

*И в ясном море утопающий
Печальный стан рыбацких шхун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный
вьюн...*

28 мая 1908

2. «Черный ворон в сумраке снежном...»

*Черный ворон в сумраке снежном.
Черный бархат на смуглых пле-*

чах.

Томный голос пенцем нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце – страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем – твоих поцелуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Февраль 1910

3. «Знаю я твое льстивое имя...»

Знаю я твое льстивое имя,
Черный бархат и губы в огне,
Но стоит за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.

*И ложится упорная гневность
У меня меж бровей на челе:
Она жжет меня, черная ревность
По твоей незнакомой земле.*

*И, готовый на новые муки,
Вспоминаю те вьюги, снега,
Твои дикие слабые руки,
Бормотаний твоих жемчуга.*

18 ноября 1910

Встречной

*Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда.
А муж твой носит томик Уайль-
да[93],
Шотландский плэд, цветной жи-
лет...
Твой муж – презрительный эс-
тет.*

*Не потому ль насмешлив он,
Что подозрителен без меры?
Следит, кому отдашь поклон...
А я... что́ мне его химеры!
Сегодня я в тебя влюблен!*

Ты вероломством, лестью, ло-

жью,
Как ризами, облечена...
Скажи мне, верная жена,
Дрожала ль ты заветной дро-
жью,
Была ли тайно влюблена?

И неужели этот сонный,
Ревнивый и смешной супруг
Шептал тебе: «Поедем, друг...»,
Тебя закутав в плэд зеленый
От зимних петербургских вьюг?

И неужели после бала
Твой не лукавил томный взгляд,
Когда воздушный свой наряд
Ты с плеч покатых опускала,
Изведав танца легкий яд?

2 июня 1908
«Я пригвожден к трактирной стойке...»

Я пригвожден к трактирной
стойке.
Я пьян давно. Мне все – равно.
Вон счастье мое – на тройке
В серебристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло

*В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Сребристой мглой из-под подков...*

*В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь свет-
ло...
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастье прошло...*

*И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слыш-
на...
А ты, душа... душа глухая...
Пьяным-пьяна... пьяным-пьяна...*

26 октября 1908

**«Не затем величал я себя
паладином...»**

*Не затем величал я себя палади-
ном,
Не затем ведь и ты приходила ко
мне,
Чтобы только рыдать над по-
тухшим камином,
Чтобы только плясать при умер-
шем огне!*

*Или счастье вправду неверно и
быстро?
Или вправду я слаб уже, болен и
стар?
Нет! В золе еще бродят последние
искры,
Есть огонь, чтобы вспыхнул по-
жар!*

30 декабря 1908
«Опустишь, занавеска линиялая...»

Опустишь, занавеска линиялая,
На больные герани мои.
Сгинь, цыганская жизнь небывалая,
Погаси, сомкни очи твои!

Ты ли, жизнь, мою горницу скудную
Убирала стенным ковылем!
Ты ли, жизнь, мою сонь непробудную
Зелены́м отравляла вином!

Как цыганка, платками узорными
Расстилалася ты предо мной,
Ой ли косами йссиня-черными,
Ой ли бурей страстей огневой!

Что рыдалось мне в шопоте, в забытьи,
Неземные ль какие слова?
Сам не свой только был я, без памяти,
И ходила кругом голова...

Спаленá моя степь, трава свáлена,
Ни огня, ни звезды, ни пути...
И кого целовал – не моя вина,
Ты, кому обещался, – прости...
30 декабря 1908

Через двенадцать лет[94]

К. М. С.

1. «Все та же озерная гладь...»

*Все та же озернáя гладь,
Все так же каплет соль с гради-
рен[95].
Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?*

*Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?*

Ты позови – она придет:
Мелькнет, как прежде, профиль
важный,
И голос, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалые шепнет.

Июнь 1909

2. «В темном парке под ольхой...»

*В темном парке под ольхой
В час полуночи глухой*

*Белый лебедь от весла
Спрятал голову в крыла.*

*Весь я – память, весь я – слух,
Ты со мной, печальный дух,*

*Знаю, вижу – вот твой след,
Смытый бурей стольких лет.*

*В тенях траурной ольхи
Сладко дышат мне духи,*

*В листьях матовых шурша,
Шелестит еще душа,*

*Но за бурей страстных лет
Все – как призрак, все – как бред,*

*Все, что было, все прошло,
В прудовой туман ушло.*

И *юнь 1909*

3. «Когда мучительно восстали...»

*Когда мучительно восстали
Передо мной дела и дни,
И сном глубоким от печали
Забылся я в лесной тени, —*

*Не знал я, что в лесу девичьем
Проходит память прежних дней,
И, пробудясь в игре теней,
Услышал ясно в пеньи птичьем:*

*«Внимай страстям, и верь, и верь,
Зови их всеми голосами,
Стучись полночными часами
В блаженства замкнутую дверь!»*

И *юнь 1909*

**4. «Синеокая, Бог тебя создал
такой...»**

*Синеокая, Бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной,*

*Встал он тихий, дождями омы-
тый,*

Запевает осой ядовитой,

*Размечает он прошлого след,
Ему легкого имени нет,*

*Вижу снова я тонкие руки,
Снова слышу гортанные звуки,*

*И в глубокую глаз синеву
Погружаюсь опять наяву.*

1897⁻¹⁹⁰⁹
Bad Nauheim

5. «Бывают тихие минуты...»

*Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле;
Мечта невольно льнет к чему-то,
Скучая в комнатном тепле...*

*И вдруг – туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен очей...*

*О чем-то шепчущие струи,
Кружащаяся голова...
Твои, хохлушка, поцелуи,
Твои гортанные слова...*

Июнь 1909

6. «В тихий вечер мы встречались...»

*В тихий вечер мы встречались
(Сердце помнит эти сны).
Дерева едва венчались
Первой зеленью весны.*

*Ясным заревом аллея,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.*

*Эта юность, эта нежность —
Что для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?*

*Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздушенный ваш платок.*

23 марта 1910
Елагин остров

7. «Уже померкла ясность взора...»

*Уже померкла ясность взора,
И скрипка под смычок легла,*

*И злая воля дирижера
По арфам ветер пронесла...*

*Твой очерк страстный, очерк
дымный
Сквозь сумрак ложи плыл ко мне.
И тенор пел на сцене гимны
Безумным скрипкам и весне...*

*Когда внезапно вздох недалёкий,
Домчавшись, кровь оледенил
И кто-то бедный и печальный
Мне к сердцу руку прислонил...*

*Когда в гаданьи, еле зримый,
Встал предо мной, как редкий
дым,
Тот призрак, тот непобедимый...
И арфы спели: улетим.*

М^{арт 1910} 8. «**Все, что память сберечь мне
старается...**»

*Все, что память сберечь мне ста-
рается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.*

*Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец, перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.*

*И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит.*

23 марта 1910

Утро в Москве

*Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидеть.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.*

*Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро – как прелесть твоя.*

Июль 1909

**«Как прощались, страстно
клялись...»**

Как прощались, страстно

клялись
В верности любви...
Вместе таин приобщались,
Пели соловьи...

Взял гитару на прощанье
И у струн исторг
Все признанья, обещанья,
Всей души восторг...

Да тоска заполонила,
Порвалась струна...
Не звала б да не манила
Дальняя сторона!

Вспоминай же, ради Бога,
Вспоминай меня,
Как седой туман из лога
Встанет до плетня...

5 сентября 1909
**«Все на земле умрет – и мать, и
младость...»**

Все на земле умрет – и мать, и
младость,
Жена изменит, и покинет друг.
Но ты учись вкушать иную сла-
дость,

*Глядясь в холодный и полярный
круг.*

*Бери свой челн, плыви на дальний
полюс
В стенах из льда – и тихо забывай,
Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый
край.*

*И к вздрагиваньям медленного
хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было здесь ей ничего не на-
до,
Когда оттуда ринутся лучи.*

7 сентября 1909

На смерть Комиссаржевской[96]

*Пришла порою полуночной
На крайний полюс, в мертвый
край.
Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.*

Не верили. А голос юный

Нам пел и плакал о весне,
Как будто ветер тронул струны
Там, в незнакомой вышине,

Как будто отступили зимы,
И буря твердь разорвала,
И струнно плачут серафимы,
Над миром расплескав крыла...

Но было тихо в нашем склепе,
И полюс – в хладном серебре.
Ушла. От всех великолепий —
Вот только: крылья на заре.

Что́ в ней рыдало? Что́ боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер вешний голос,
Погасли звезды синих глаз.

Да, слепы люди, низки тучи...
И где нам ведать торжества?
Залег здесь камень бел-горючий,
Растет у ног плакун-трава...

Так спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты с нею – с величавой,
С несбыточной твоей мечтой.

*А мы – что мы на этой тризне?
Что́ можем знать, чему помочь?
Пускай хоть смерть понятней
жизни,
Хоть погребальный факел – в
ночь...*

*Пускай хоть в небе – Вера с нами.
Смотри сквозь тучи: там она —
Развернутое ветром знамя,
Обетованная весна.*

Февраль 1910
«Когда-то гордый и надменный...»

*Когда-то гордый и надменный,
Теперь с цыганкой я в раю,
И вот – прошу ее смиренно:
«Спляши, цыганка, жизнь мою».*

*И долго длится пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой...*

*То кружится, закинув руки,
То поползет змеей, – и вдруг
Вся замерла в истоме скуки,
И бубен падает из рук...*

О, как я был богат когда-то,
Да все – не стоит пятака:
Вражда, любовь, молва и злато,
А пуще – смертная тоска.

11 июля 1910
«Сегодня ты на тройке звонкой...»

Сегодня ты на тройке звонкой
Летишь, богач, гусар, поэт,
И каждый, проходя сторонкой,
Завистливо посмотрит вслед...

Но жизнь – проезжая дорога,
Неладно, жутко на душе:
Здесь всякой праздной голи много
Остаться хочет в барыше...

Ямщик – будь он в поддевке тем-
ной
С пером павлиньим напоказ,
Будь он мечтой поэта скром-
ной, —
Не упускай его из глаз...

Задремлешь – и тебя в дремоте
Он острым полоснет клинком,
Иль на безлюдном повороте
К версте прикрутит кушаком,

*И в час, когда изменит воля,
Тебе мигнет издалека
В кусте темнеющего поля
Лишь бедный светик светляка...*

6 августа 1910
«В неуверенном, зыбком полете...»

*В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых
вниз.*

*Как ты можешь летать и кру-
житься
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная пти-
ца,
Чем ты можешь прославить
творца?*

*В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гре-
мит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце – и винт.*

Ноябрь 1910
«Есть минуты, когда не тревожит...»

*Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...*

*И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без
дна...
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...*

*И напев заглушенный и юный
В затаенной затронет тиши
Усыпленные жизнью струны
Напряженной, как арфа, души.*

Июль 1912

Испанке

*Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Перед редкой и сытой толпой...*

*Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль...*

*Заревая Господняя слава
Исполняла священную шаль...*

*И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,
Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам...*

*Но, средь танца волшебств и наитий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,*

*Чтоб неведомый северу танец,
Крик Nandá и язык кастаньет
Понял только влюбленный испанец
Или видевший Бога поэт.*

Октябрь 1912

**«В небе – день, всех ночей
суеверней...»**

*В небе – день, всех ночей суеверней,
Сам не знает, он – ночь или день.
На лице у подружки вечерней
Золотится неясная тень.*

Но рыбак эти сонные струи
Не будил еще взмахом весла...
Огневые ее поцелуи
Говорят мне, что ночь – не про-
шла...

Легкий ветер повеял нам в очи...
Если можешь, костер потуши!
Потуши в сумасшедшие ночи
Распылавшийся уголь души!

Октябрь 1912

«**В сыром ночном тумане...**»

В сыром ночном тумане
Всё лес, да лес, да лес...
В глухом сыром бурьяне
Огонь блеснул – исчез...
Опять блеснул в тумане,
И показалось мне:
Изба, окно, герани
Алеют на окне...
В сыром ночном тумане
На красный блеск огня,
На алые герани
Направил я коня...
И вижу: в свете красном
Изба в бурьян вросла,
Неведомо несчастным

Быльем поросла...
И сладко в очи глянул
Неведомый огонь,
И над бурьяном прынул
Испуганный мой конь...
«О, друг, здесь цел не будешь,
Скорей отсюда прочь!
Доедешь – все забудешь,
Забудешь – канешь в ночь!
В тумане да в бурьяне,
Гляди, – продашь Христа
За жадные герани,
За алые уста!»

Декабрь 1912

Седое утро[97]

*Утро туманное, утро седое...
Тургенев*

*Утреет. С Богом! По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольца,
И я – который раз подряд —
Целую кольца, а не руки...
В плече, откинута назад, —
Задор свободы и разлуки,
Но еле видная за мглой,*

За дождевою, за докучной...
И взгляд – как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра
Я находил не в этом взгляде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... «До свиданья...»
И звякнул о браслет жетон
(Какое-то воспоминанье)...
Я молча на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться бо-
ле...
Что ж на прощанье ей скажу?...
«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши».

29 ноября 1913
«**Есть времена, есть дни, когда...**»

Есть времена, есть дни, когда

*Ворвется в сердце ветер снежный,
И не спасет ни голос нежный...
Ни безмятежный час труда...*

*Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря – в крови...
Тоскою, страстью, огневицей
Идет безумие любви...*

*Полсердца – туча грозовая,
Под ней – все глушь, все немота,
И эта – прежняя, простая —
Уже другая, уж не та...*

*Темно, и весело, и душно,
И задыхаясь, не дыша,
Уже во всем другой послушна
Доселе гордая душа!*

22 ноября 1913

**«Ваш взгляд – его мне
подстеречь...»**

*Ваш взгляд – его мне подстеречь...
Но уклоняете вы взгляды...
Да! Взглядом – вы боитесь сжечь
Меж нами вставшие преграды!*

Когда же отойду под сень

*Колонны мраморной угрюмо
И пожирающая дума
Мне на лицо нагонит тень,*

*Тогда – угрюмому скитальцу
Вослед скользнет ваш беглый
взгляд,
Тревожно шелк зашевелят
Трепещущие ваши пальцы,*

*К ланитам хлынувшую кровь
Не скроет море кружев душных,
И я прочту в очах послушных
Уже ненужную любовь.*

12 декабря 1913
«Как день, светла, но непонятна...»

*Как день, светла, но непонятна,
Вся – явь, но – как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней – всегда весна.*

*Вот здесь садится и болтает.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.*

Но я, не вслушиваясь строго

*В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сияньи глаз и в дрожи плеч.*

*Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стих-
и, —*

*Сверкнет холодное запястье.
И, речь прервав, она сама
Уже твердит, что сила стра-
сти —
Ничто пред холодом ума!..*

20 февраля 1914
«Смычок запел. И облак душный...»

*Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послуш-
ный
Скользнул в объятия мои...
Не соловей – то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...
Как там, в рыдающие звуки*

*Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...*

14 *мая 1914*
«Превратила все в шутку сначала...»

*Превратила все в шутку сначала,
Поняла – принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.*

*И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно все позабыв.
Вдруг припомнила все – зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.*

*Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась
И, должно быть, навеки ушла...*

*Что ж, пора приниматься за де-
ло,
За старинное дело свое. —
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?*

29 *февраля 1916*
«Была ты всех ярче, верней и

прелестней...»

*Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская
песня,
Как те невозвратные дни...*

*Что было любимо – все мимо, мимо,
Впереди – неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!*

31 августа 1914 **«Разлетясь по всему небосклону...»**

*Разлетясь по всему небосклону,
Огне-красная туча идет.
Я пишу в моей келье мадонну,
Я пишу – моя дума растет.*

*Вот я вычертил лик ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот сияют красой белоснежной
Два небесных, два легких крыла...*

*Огне-красные отсветы ярче
На суровом моем полотне...*

Неотступная дума все жарче
Обнимает, прильнула ко мне...

31 августа 1914

**«Он занесен – сей жезл
железный...»**

Он занесен – сей жезл железный —
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной без-
дной
Среди сгущающейся тьмы.

Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее лица.

И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозя,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.

3 декабря 1914

«Протекли за годами года...»

Протекли за годами года,
И слепому и глупому мне
Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня нико-

гда...

Только встречным случайным я
был,
Только встречным я был на пути,
Но остыл тот младенческий
пыль,
И она мне сказала: прости.

А душа моя – той же любовью
полна,
И минуты с другими отравлены
мне,
Та же дума – и песня одна
Мне звучала сегодня во сне...

30 сентября 1915

«**За горами, лесами...**»

За горами, лесами,
За дорогами пыльными,
За холмами могильными —
Под другими цветешь небесами...

И когда забелеет гора,
Дол оденется зеленью вешнею,
Вспоминаю с печалью нездешнею
Все бывшее мое, как вчера...

*В снах печальных тебя узнаю
И сжимаю руками моими
Чародейную руку твою,
Повторяя далекое имя.*

30 сентября 1915

**Кармен
(1914)**

Л. А. Д.[98]

«Как океан меняет цвет...»

Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет,

—
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь

Перед явлением Карменситы.

4 марта 1914
**«На небе – празелень, и месяца
осколок...»**

*На небе – празелень, и месяца
осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер,
чуть дыша,
Проходит, и весна, и лед послед-
ний колок,
И в сонный входит вихрь смятен-
ная душа...*

*Что месяца нежней, что зорь за-
катных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не
говори:
В последнем этаже, там, под вы-
сокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...*

24 марта 1914
**«Есть демон утра. Дымно-светел
он...»**

*Есть демон утра. Дымно-светел
он,
Золотокудрый и счастливый.*

Как небо, синь струящийся хитон,
Весь – перламутра переливы.

Но как ночью тьмой сквозит ла-
зурь,
Так этот лик сквозит порой
ужасным,
И золото кудрей – червонно-крас-
ным,
И голос – рокотом забытых бурь.

24 марта 1914

«**Бушует снежная весна...**»

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: Ценою жизни
Ты мне заплатишь за любовь!

18 марта 1914

«**Среди поклонников Кармен...**»

*Среди поклонников Кармен,
Спешащих пестрою толпою,
Ее зовущих за собою,
Один, как тень у серых стен
Ночной таверны Лиллас-Пастья,
Молчит и сумрачно глядит,
Не ждет, не требует участия,
Когда же бубен зазвучит
И глухо зазвонят запястья, —
Он вспоминает дни весны,
Он среди бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.*

26 марта 1914 **«Сердитый взор бесцветных глаз...»**

*Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий – таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.
В партере – ночь. Нельзя дышать.
Нагрудник черный близко, близ-
ко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч*

Почти пугающая чуткость...
В движеньях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы.)
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к
Вам
Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,
И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов – несчастному тому...
О, не глядеть, молчать – нет мо-
чи,
Сказать – не надо и нельзя...
И Вы уже (звездой средь ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идете – в поступи истома,
И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне, —
Ваш образ, дорогой навек...

А там: Уйдем, уйдем от жизни,
Уйдем от этой грустной жизни!

Кричит погибший человек...

И март наносит мокрый снег.

25 *марта 1914*
«Вербы – это весенняя таль...»

*Вербы – это весенняя таль,
И чего-то нам светлого жаль.
Значит – теплится где-то свеча,
И молитва моя горяча,
И целую тебя я в плеча.*

*Этот колос ячменный – поля,
И залиvistый крик журавля,
Это значит – мне ждать у плет-
ня
До заката горячего дня.
Значит – ты вспоминаешь меня.*

*Розы – страшен мне цвет этих
роз,
Это – рыжая ночь твоих кос?
Это – музыка тайных измен?
Это – сердце в плену у Кармен?*

30 *марта 1914*
«Ты – как отзвук забытого гимна...»

Ты – как отзвук забытого гимна

*В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.*

*Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, дикие сны,
И твоя одичалая прелесть —
Как гитара, как бубен весны!*

*И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.*

*Спишь, змеею склубясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне
Даль морскую и берег счастли-
вый,
И мечту, недоступную мне.*

*Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.*

*В том раю тишина бездыханна,
Только в куще сплетенных ветвей
Дивный голос твой, низкий и
странный,
Славит бурю цыганских стра-
стей.*

28 *марта 1914*
«О да, любовь вольна, как птица...»

*О да, любовь вольна, как птица,
Да, все равно – я твой!
Да, все равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!*

*Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрас-
ных,
Моих ночей, Кармен!*

*Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь – звездам!*

*Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,*

Кармен, твоих духов...

*И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.*

*Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...*

*За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, —
Пусть эта мысль предстанет
строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!*

28 марта 1914
**«Нет, никогда моей, и ты ничьей не
будешь...»**

*Нет, никогда моей, и ты ничьей
не будешь.*

*Так вот что так влекло сквозь
бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье
время не избудешь.*

Вот почему я – твой поклонник и поэт!

*Здесь – страшная печать отверженности женской,
За прелесть дивную – постичь ее нет сил.*

*Там – дикий сплав миров, где часть души вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.*

Вот – мой восторг, мой страх в тот вечер в темном зале!

Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!

*Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!*

*Сама себе закон – летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе – лишь красный облак дыма,
Где что-то жжжет, поет, тревожит и горит!*

И в зареве его – твоя безумна мла-

дось...
Все – музыка и свет: нет счастья,
нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и
радость...
Но я люблю тебя: я сам такой,
Кармен.

Зарта 1914

Родина
(1907–1916)

«Ты отошла, и я в пустыне...» [99]

Ты отошла, и я в пустыне
К песку горячему приник.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.

О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты – родная Галилея

Мне – невоскресшему Христу.

И пусть другой тебя ласкает,
Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где приклонить ему главу.

30 мая 1907

**«В густой траве пропадешь с
головой...»**

*В густой траве пропадешь с голо-
вой.*

*В тихий дом войдешь, не сту-
чать...*

*Обнимет рукой, оплетет косою
И, статная, скажет: «Здрав-
ствуй, князь.*

*Вот здесь у меня – куст белых
роз.*

*Вот здесь вчера – повилика ви-
лась.*

*Где был, пропал? что за весть
принес?*

*Кто любит, не любит, кто гонит
нас?»*

Как бывало, забудешь, что дни

идут,
Как бывало, простишь, кто горд и
зол.
И смотришь – тучи вдали вста-
ют,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой сторо-
не,
Запросится в бой – зовет и ма-
нит...
Только скажет: «Прощай. Вернись
ко мне»,
И опять за травой колокольчик
звенит...

12 июля 1907
«**Задебренные лесом кручи...**»

Задебренные лесом кручи:
Когда-то там, на высоте,
Рубили деды сруб горючий
И пели о своем Христе.

Теперь пастуший кнут не свист-
нет,
И песни не сплет свирель.
Лишь мох сырой с обрыва виснет,
Как ведьмы сбитая кудель.

Навеки непробудной тенью
Ресницы мхов опущены,
Спят, убаюканные ленью
Людской врагини – тишины.

И человек печальной цапли
С болотной кочки не спугнет.
Но в каждой тихой, ржавой кап-
ле —
Зачало рек, озер, болот.

И капли ржавые, лесные,
Родясь в глуши и темноте,
Несут испуганной России
Весть о сжигающем Христе.

Октябрь 1907 – 29 августа 1914

На поле Куликовом [100]

1. «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...»

Река раскинулась. Течет, грустит
лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого об-
рыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли

Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской
древней воли
Пронзил нам грудь.

Нагл путь – степной, наш путь –
в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы – ночной и зарубеж-
ной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим
кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое
знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только
снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты,
кручи...
Останови!

*Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!*

*Закат в крови! Из сердца кровь
струится!*

Плачь, сердце, плачь...

*Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!*

7 июня 1908

**2. «Мы, сам-друг, над степью в
полночь стали...»**

*Мы, сам-друг, над степью в пол-
ночь стали:*

Не вернуться, не взглянуть назад.

За Непрядвой лебеди кричали.

И опять, опять они кричат...

На пути – горячий белый камень.

За рекой – поганая орда.

*Светлый стяг над нашими полка-
ми*

Не взиграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,

*Говорит мне друг: «Остри свой
меч,*

Чтоб недаром биться с татар-

вою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!

8 июня 1908

3. «В ночь, когда Мамай залег с ордою...»

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою, —
Разве знала Ты?

Перед Доном темным и злоеющим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем веющим
В криках лебедей.

С полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,

Голосила мать.

*И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.*

*А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.*

*Орлий клетот над татарским
станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.*

*И с туманом над Непрядвой спя-
щей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струя-
щей,
Не спугнув коня.*

*Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.*

*И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотвор-*

ный
Светел навсегда.

14 июня 1908

4. «Опять с вековой тоскою...»

Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи

Во мглистой ночной вышине.

*Вздыхают светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...*

*«Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!»
Вздыхается конская грива...
За ветром зывают мечи...*

31 июля 1908
5. «Опять над полем Куликовым...»

*И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Вл. Соловьев*

*Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.*

*За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.*

*Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как быва-
ло,
И плеск и трубы лебедей.*

*Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись!*

23 декабря 1908

Россия

*Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...*

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!*

*Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!*

*Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...*

*Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты все та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...*

*И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..*

18 октября 1908

Осенний день

*Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.*

*Осенний день высок и тих.
Лишь слышно – ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.*

Овин расстелет низкий дым.
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За летом журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком.
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

1 января 1909
«Дым от костра струею сизой...» [101]

Не уходи. Побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.

Дым от костра струею сизой
Струится в сумрак, в сумрак дня.
Лишь бархат алый алой ризой,

Лишь свет зари – покрыл меня.

*Все, все обман, седым туманом
Ползет печаль угрюмых мест.
И ель крестом, крестом багря-
ным
Кладет на даль воздушный
крест...*

*Подруга, на вечернем пире,
Помедли здесь, побудь со мной.
Забудь, забудь о страшном мире,
Вздохни небесной глубиной.*

*Смотри с печальной усладой,
Как в свет зари вползает дым.
Я огражу тебя оградой —
Кольцом из рук, кольцом сталь-
ным.*

*Я огражу тебя оградой —
Кольцом живым, кольцом из рук.
И нам, как дым, струиться надо
Седым туманом – в алый круг.*

Август 1909
**«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам
маяться?..»**

Русь моя, жизнь моя, вместе ль
нам маяться?

Царь, да Сибирь, да Ермак, да
тюрьма!

Эх, не пора ль разлучиться, расска-
жаться...

Вольному сердцу на что твоя
тьма?

Знала ли что? Или в Бога ты ве-
рила?

Что там услышишь из песен тво-
их?

Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов версто-
вых...

Лодки да грады по рекам рубила
ты,

Но до Царьградских святынь не
дошла.

Соколов, лебедей в степь распу-
стила ты —

Кинулась из степи черная мгла...

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,

Очи татарские мечут огни...

*Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем тво-
им...*

*Что́ же маячишь ты, сонное ма-
рево?*

Вольным играешься духом моим?

28 февраля 1910

На железной дороге[102]

Марии Павловне Ивановой[103]

*Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы бро-
шенном,
Красивая и молодая.*

*Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним ле-
сом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.*

*Три ярких глаза набегających —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжаю-*

*щих
Посмотрит пристальней из
окон...*

*Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых[104] плакали и пели.*

*Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блек-
лыми,
Ее, жандарма с нею рядом...*

*Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой неж-
ною...
Скользнул – и поезд в даль умча-
ло.*

*Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогающая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...*

Да что – давно уж сердце вынуто!

*Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуту
В пустынные глаза вагонов...*

*Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей – довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена – все больно.*

14 июня 1910
**«Приближается звук. И, покорна
щемящему звуку...»[105]**

*Приближается звук. И, покорна
щемящему*

з

*вуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою
прежнюю*

р

*уку,
Не дыша.*

*Снится – снова я мальчик, и снова
любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне – колючий шиповник,
И вечерний туман.*

Сквозь цветы, и листья, и колючие
ветки, я

3

наю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от
краю до краю,
И окошко твое.

Этот голос – он твой, и его непо-
нятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю ми-
лую руку
Прижимая к губам.

2 мая 1912

Новая Америка[106]

Праздник радостный, праздник ве-
ликий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь, под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор
пред очами,

Непонятная ширь без конца?

*Утопая в глубоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!*

*Там прикинешься ты богомоль-
ной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон коло-
кольный,
За крестами – кресты да кре-
сты...*

*Только ладан твой синий и рос-
ный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не пост-
ный
Под московским платочком
цветным!*

*Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи[107], ектеньи, ектеньи —
Шопотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...*

Дальше, дальше... И ветер рванул-
ся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнул-
ся,
Словно дьякон взмахнул орарем
[108]...

А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горячей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это – стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стя-
га,
Не шеломами черпают Дон[109],
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по ветру чу-
бы,
Не пестреют в степях бунчуки
[110]...

*Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.*

*Путь степной – без конца, без по-
хода,
Степь, да ветер, да ветер, – и
вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...*

*На пустынном просторе, на ди-
ком
Ты все та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...*

*Черный уголь – подземный мес-
сия,
Черный уголь – здесь царь и же-
них,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!*

*Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воеет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!*

12 декабря 1913
«Ветер стих, и слава заревая...»

Моей матери

*Ветер стих, и слава заревая
Облекла вон те пруды.
Вон и схимник. Книгу закрывая,
Он смиренно ждет звезды.
Но бежит шоссейная дорога,
Убегает вбок...
Дай вздохнуть, помедли, ради Бо-
га,
Не хрусти, песок!
Славой золотеет заревою
Монастырский крест издалека.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука?
И опять влечет неудержимо
Вдаль из тихих мест
Путь шоссейный, пробегая мимо,
Мимо инока, прудов и звезд...*

Август 1914

Последнее напутствие

*Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.*

*Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.*

*Ты смежил больные вежды,
Ты не ждешь – она вошла.
Вот она – с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым кругом обвела.*

*Слышишь ты сквозь боль муче-
ний,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно легких сновидений
Быстрый рой домчался вдруг?*

*Это – легкий образ рая,
Это – милая твоя.
Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая*

*Круг постылый бытия.
Протянуться без желаний,
Улыбнуться навсегда,
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...*

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потюмили
Над последним миром ложа
И в иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато —
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость —
Все, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять – коварство, слава,
Злато, лесть, всему венец —
Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

А когда пройдет все мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведеет рукой любимой

В Елисейские поля.

14 *мая 1914*

**«Грешить бесстыдно,
непробудно...»**

*Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в Божий храм.*

*Три раза преклониться долу,
Семь – осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.*

*Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.*

*А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.*

*И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,*

Пузатый отворив комод,

*И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.*

26 *августа 1914*
**«Петроградское небо мутилось
дождем...»**

*Петроградское небо мутилось до-
ждем,
На войну уходил эшелон.
Без конца – взвод за взводом и
штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.*

*В этом поезде тысячью жизнью
цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закат-
ной дали
Были дымные тучи в крови.*

*И, садясь, запевали Варяга одни,
А другие – не в лад – Ермака,
И кричали ура, и шутили они,
И тихонько крестилась рука.*

Вдруг под ветром взлетел опада-
ющий лист,
Раскачнувшись, фонарь замигал,
И под черною тучей веселый гор-
нист
Заиграл к отправленью сигнал.

И военного славой заплакал ро-
жок,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колес и охрипший сви-
сток
Заглушило ура без конца.

Уж последние скрылись во мгле
буфера,
И сошла тишина до утра,
А с дождливых полей все несло к
нам ура,
В грозном клике звучало: пора!

Нет, нам не было грустно, нам не
было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это – ясная, твердая, верная
сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость – ее заглушает по-
жар,
Гром орудий и топот коней.
Грусть – ее застилает отравлен-
ный пар
С галицийских кровавых полей...

1 сентября 1914
«Я не предал белое знамя...»[111]

Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой – одни у валов.

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.

А вблизи – всё пусто и немо,
В смертном сне – враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

3 декабря 1914

«Рожденные в года глухие...»

3. Н. Гиппиус

*Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет Рос-
сии —
Забыть не в силах ничего.*

*Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль
весть?
От дней войны, от дней свободы
[112] —
Кровавый отсвет в лицах есть.*

*Есть немота – то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных ко-
гда-то,
Есть роковая пустота.*

*И пусть над нашим смертным
ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!*

8 сентября 1914

«Дикий ветер...»

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Час заутрени пасхальный,
Звон далекий, звон печальный,
Глухота и чернота.
Только ветер, гость нахальный,
Потрясает ворота.

За окном черно и пусто,
Ночь полна шагов и хруста.
Там река ломает лед,
Там меня невеста ждет...

Как мне скинуть злую дрему,
Как мне гостя отогнать?
Как мне милую – чужому,
Проклятому не отдать?

Как не бросить все на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?

Что ж ты, ветер,
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?

22 марта 1916

Коршун

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кру-
жит

И смотрит на пустынный луг. —
В избушке мать над сыном ту-
жит:

«Нá хлеба, нá, нá грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

22 марта 1916

Из стихотворений, не вошедших в основное собрание

3. Гиппиус

(При получении «Последних стихов»)

*Женщина, безумная гордячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневаами звенящих строк!*

*Все слова – как ненависти жала,
Все слова – как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвее целую, глядя вдаль...*

*Но в дали я вижу – море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хо-
ре,
Где гудит и воеет ураган!*

*Страшно, сладко, неизбежно, на-
до
Мне – бросаться в многопенный
вал,
Вам – зеленоглазую наядой
Петь, плескаться у ирландских*

скал.

Высоко – над нами – над волнами, —
Как заря над черными скалами —
Веет знамя – Интернационал!

1 –6 июня 1918

Две надписи на сборнике «Седое утро» [113]

1. «Вы предназначены не мне...»

*Вы предназначены не мне.
Зачем я видел Вас во сне?
Бывает сон – всю ночь один:
Так видит Даму паладин,
Так раненому снится враг,
Изгнаннику – родной очаг,
И капитану – океан,
И деве – розовый туман...
Но сон мой был иным, иным,
Неуязвим, неповторим,
И если он приснится вновь,
Не возвратится к сердцу кровь...
И сам не знаю, для чего
Сна не скрываю моего,
И слов, и строк, ненужных Вам,
Как мне, – забвенью не предам.*

23 октября 1920

2. «Едва в глубоких снах мне
снова...»

*Едва в глубоких снах мне снова
Начнут былое воскресать, —
Рука уж вывести готова
Слова, которых не сказать...
Но я руке не позволяю
Писать про виденные сны,
И только книжку посылаю
Царице песен и весны...
В моей душе, как келья, душевной,
Все эти песни родились.
Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла,
Но нежной прихоти немного
Иным из вас она дала...*

23-24 октября 1920

Пушкинскому Дому[114]

*Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!*

*Это – звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке.*

*Это – древний Сфинкс, глядящий
Вслед недлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.*

*Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.*

*Что́ за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.*

*Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.*

*Пушкин! Тайную свободу[115]
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,*

Помоги в немой борьбе!

*Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?*

*Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.*

*Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената[116]
Тихо кланяюсь ему.*

11 февраля 1921

Примечания

В 1910–1911 гг. Блок подготовил собрание своих стихотворений в трех книгах, вскоре выпущенное символистским издательством «Музагет» (М., 1911–1912). В кратком предисловии поэт подчеркивал особый характер этого трехтомника: «...каждое стихотворение необходимо для образования главы; из нескольких глав составляется книга; каждая книга есть часть трилогии; всю трилогию я могу назвать „романом в стихах“: она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которому я был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни». В письме к Андрею Белому (6 июня 1911 г.) Блок пояснял, что в этом издании отражен пройденный им драматический путь: «...все стихи вместе – „трилогия воочеловечения“ (от мгновения слишком яркого света – через необходимый болотистый лес – к отчаянию, проклятиям, „возмездию“ и... – к рождению человека „общественного“, художника, мужественно глядящего в лицо миру...)».

[^^^]

До света (*лат.*). – Ред.

[^^^]

Эти ранние стихи были много позже объединены в раздел «Перед светом». Название подчеркивало их отличие от последующих «Стихов о Прекрасной Даме», проникнутых мистическими ожиданиями и любовью к обожествляемой женщине, которая «безоблачно светла».

[^^^]

К. М. С. – Ксения Михайловна Садовская (1862–1925), первая любовь поэта. Он познакомился с ней на немецком курорте Бад-Наугейм. Заключительное двустишие – цитата из стихотворения Я. Полонского «Прощай».

[^^^]

Стихи Полонского.

[^^^]

«Мне снилась снова ты, в цветах на шумной сцене...» – одно из стихотворений, передающих впечатление от любительского спектакля в менделеевском имении Боблово. Л. Д. Менделеева играла Офелию, Блок – Гамлета.

[^^^]

Стихотворение вдохновлено одноименной картиной В. М. Васнецова (1848–1926), истолкованной поэтом в духе своих драматических предчувствий на рубеже веков.

[^^^]

Эта книга, выпущенная в конце 1904 г. символистским издательством «Гриф», получила в печати крайне разноречивые оценки, но даже некоторые из критиков, обвинявших автора в «намеренной непонятности», признавали, что «у него чувствуется настоящее дарование», «встречаются удивительно красивые отрывки, что-то чутко схваченное мягкой и нежной кистью, задумчивое и грустное, как весенние сумерки». Положительно, хотя и не без некоторых оговорок, оценили книгу в своих рецензиях Зинаида Гиппиус и Вячеслав Иванов.

[^^^]

Эпиграф – из стихотворения Владимира Соловьева «Зачем слова? В безбрежности лазурной...».

[^^^]

10

Эпиграф – из стихотворения А. Фета «Вдали
огонек за рекою...».

[^^^]

11

Эпиграф – из Апокалипсиса.

[^^^]

Первые строки навеяны стихами Я. Полонского «Качка в бурю»: «Снится мне: я свеж, и молод, и влюблен, мечты кипят...»

[^^^]

Некоторые образы стихотворения получили развитие в пьесе «Балаганчик».

[^^^]

Экклесиаст. – В переводе с греческого – «проповедник». Стихотворение является переложением фрагмента одной из глав «Книги Экклесиаста», авторство которой в древности приписывалось царю Соломону.

[^^^]

Написано после объяснения Блока с Л. Д. Менделеевой 7 ноября 1902 г., когда она дала «царственный ответ» – согласие стать его женой.

[^^^]

«Все ли спокойно в народе?...» Посохом... железным... – образ из Апокалипсиса.

[^^^]

Стихотворение воссоздает обстоятельства объяснения с Л. Д. Менделеевой и нового свидания с ней в Казанском соборе 9 ноября 1902 г.

[^^^]

Стихи, составившие ее, ранее входили в сборники 1907 г. «Нечаянная Радость», «Снежная маска» и «Земля в снегу», которые вызвали резкие нападки А. Белого и С. Соловьева за «измену» соловьевским теориям, хотя даже в этих рецензиях признавалось, что стих поэта «стал виртуознее, гибче, роскошнее». Брюсов же увидел в «Нечаянной Радости» «ясный свет высоко поднявшегося солнца». Критик Р. Иванов-Разумник заметил по поводу «Земли в снегу», что автор «находится еще в периоде исканий и движется вперед с каждой новой книгой».

[^^^]

Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) – писатель, чье насыщенное фантастическими фольклорными образами творчество оказало в ту пору явное влияние на поэзию Блока.

[^^^]

«Детские» (нем.). – Ред.

[^^^]

Т. Н. Гиппиус (1877–1957) – сестра поэтессы З. Н. Гиппиус художница, написавшая в 1906 г. портрет Блока. Поэт любил рассматривать альбом ее рисунков «Kindisch», где изображались разные причудливые твари.

[^^^]

Купальницы – луговой цветок.

[^^^]

Таль – здесь: оттепель.

[^^^]

При первых публикациях было посвящено А. Белому.

[^^^]

Осенницы – блоковское словообразование:
спутницы осени, своего рода нимфы.

[^^^]

«Шли на приступ. Прямо в грудь ...» – отголоски кровавых событий 9 января 1905 г.

[^^^]

Г. И. Чулков(1879–1939) – писатель-символист, в эту пору (1904–1908) друживший с Блоком.

[^^^]

Мотивы стихотворения получили развитие в одноименной пьесе.

[^^^]

По свидетельству близкой знакомой поэта Е. Ф. Книпович, в первой строке имеются в виду гуляющие по шахматовскому саду тетка поэта Софья Андреевна и ее муж, крупный чиновник А. Ф. Кублицкий-Пиоттух, вызывавшие у Блока резкое неприятие.

[^^^]

Писатель Борис Зайцев отмечал, что в этом стихотворении автор «подходит к чему-то истинно народному».

[^^^]

Блок писал, что стихотворение «навечно теми чертами русского пейзажа, которые нашли себе лучшее выражение у Нестерова». О «предвесеннем, чистом и благоуханном воздухе» картин М. В. Нестерова (1862–1942) говорится и в одной статье поэта.

[^^^]

Стихи внушены драматической поэмой Г. Ибсена «Пер Гюнт».

[^^^]

С. М. Городецкий (1884–1967) – поэт, однокашник Блока по университету.

[^^^]

Обращено к Л. Д. Менделеевой-Блок.

[^^^]

Автор указывал, что использованные здесь образы – подлинно фольклорные. В октябре 1906 г. им было написано исследование «Поэзия заговоров и заклинаний».

[^^^]

Эпиграф – из пьесы А. Дюма-отца «Кин, или Гений и беспутство» (о знаменитом английском актере).

[^^^]

Написано в день появления манифеста Николая II, обещавшего гражданские свободы и законодательные учреждения.

[^^^]

Предок царственно чугунный – памятник Петру I.

[^^^]

Готовы новые птенцы – вариация пушкинских строк «птенцы гнезда Петрова» («Полтава»).

[^^^]

Статуя на кровле Зимнего дворца.

[^^^]

По словам Блока, это стихотворение «внушено октябрьскими забастовками 1905 г. в Петербурге».

[^^^]

«Истина в вине!» (лат.). – Ред.

[^^^]

«Все это стихи... написанные залпом на этих днях, пока неожиданные и, во всяком случае, новые для меня самого», – писал Блок Брюсову 13 января 1907 г.

[^^^]

Н. Н. В. – Наталия Николаевна Волохова (1878–1966), актриса театра В. Ф. Комиссаржевской.

[^^^]

сфинкс... над Невой – одна из статуй, привезенных из Египта и установленных возле Академии художеств.

[^^^]

Эпиграф – из стихотворения М. Лермонтова
«Благодарность».

[^^^]

Багряница – торжественная пурпурная одежда, знак верховной власти.

[^^^]

Написано после встречи с гимназисткой Е. Ю. Пиленко (впоследствии – поэтесса Кузьмина-Караваева, 1891–1945).

[^^^]

Паоло и Франческа – персонажи «Божественной комедии» Данте.

[^^^]

Некоторая часть этих стихов, помимо публикаций в периодической печати, вошла в сборник «Ночные часы» (1910).

[^^^]

Стихотворение написано под впечатлением смерти художника М. А. Врубеля.

[^^^]

Эпиграф – из стихотворения А. Фета «Когда читала ты мучительные строки...».

[^^^]

Яд (лат.) – Ред.

[^^^]

Ревность по дому – неточная цитата из Евангелия от Иоанна.

[^^^]

Что делаешь, делай скорее – слова Христа, обращенные к Иуде.

[^^^]

Стихотворение обращено к Л. Д. Блок.

[^^^]

В. А. Зоргенфрей (1882–1938) – поэт, друг Блока.

[^^^]

Негодование рождает стих.

Ювенал. Сатиры, 1, 79

(лат.) – Ред.

[^^^]

Написано в день объявления о роспуске Второй Государственной думы.

[^^^]

Ты роешься, подземный крот! – возможно, отзвук слов Гамлета: «Ты славно роешь землю, старый крот!» (перевод А. Соколовского).

[^^^]

Над шубкой меховой, в которой ты была в ту ночь – воспоминание об объяснении с Л. Д. Менделеевой в ночь с 7 на 8 ноября 1902 г.

[^^^]

Заключительные строки – из стихотворения
Ф. Тютчева «Silentium!» («Молчание!»).

[^^^]

*Так незаметно многих уничто-
жают годы,
Так приходит к концу все сущее в
мире;
Увы, увы, невозвратно минувшее
время,
Увы, торопится смерть неслыш-
ным шагом (лат.). – Ред.*

[^^^]

Посвящено древней столице Западной Римской империи, завоеванной королем остготов Теодорихом Великим и постепенно пришедшей в упадок.

[^^^]

Галла Плацидия (Плакида) Августа – римская царица V в. с драматической судьбой.

[^^^]

«Новая жизнь» – произведение Данте, изгнанного из Флоренции и похороненного в Равенне.

[^^^]

Львиный столб – памятник в Венеции.

[^^^]

Гиганты – фигуры на башенных часах.

[^^^]

Марк – знаменитый венецианский собор Святого Марка с изукрашенным мозаикой и цветными колоннами фасадом (у Блока – «иконостасом»).

[^^^]

Саломея – дочь Иродиады, жены Ирода Антипы, правителя Галилеи и Переи. Согласно Новому Завету, потребовала у царя Ирода голову Иоанна Крестителя в награду за пляску.

[^^^]

«Умри, Флоренция, Иуда ...» – В первой строке – намек на изгнание Данте.

[^^^]

Прекрасная (*ит.*) – распространенное в Италии название

Флоренции. – *Ред.*

[^^^]

Святой монах – знаменитый проповедник Савонарола.

[^^^]

Беато – художник Фра Джованни да Фьезоле, причисленный Церковью к лику блаженных под именем Беато фра Джованни.

[^^^]

Медичи – знатный род, правивший Флоренцией.

[^^^]

Лилии – эмблема феодальной Флоренции.

[^^^]

Кашины – пригородный парк.

[^^^]

Кинематограф (фр.). – Ред.

[^^^]

Гриф – символ Перуджии.

[^^^]

Идите прочь, непосвященные: здесь свято место любви (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

По свидетельству Блока, стихотворение навеяно фреской флорентийского художника Фра Филиппо Липпи.

[^^^]

Утоли мои печали – название известной иконы.

[^^^]

Эпиграф – из стихотворения А. Майкова «Менестрель».

[^^^]

Имеется в виду комета Галлея.

[^^^]

Матчиш – популярный в начале XX в. танец.

[^^^]

Симплон – горный перевал в Швейцарских Альпах.

[^^^]

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» – воспоминание о неожиданном появлении в порту Аберврак французской эскадры.

[^^^]

Море крови. -В начале Первой мировой войны там шли жестокие бои.

[^^^]

Стимер – пассажирский корабль.

[^^^]

Квентин Массис – нидерландский живописец.

[^^^]

В. А. Пяст (Пестовский, 1886–1940) – поэт-символист, сблизившийся в эти годы с Блоком.

[^^^]

В. А. Щеголева(1878-1931) – актриса театра В. Ф. Комиссаржевской.

[^^^]

Оскар *Уайльд* – английский писатель, кумир эстетов рубежа XIX–XX вв.

[^^^]

Цикл посвящен воспоминаниям о К. М. Садовской (см. примеч. к «Ante Lucem»), «давней и милой тени, от которой не осталось и связки писем».

[^^^]

Градирни – специальное сооружение на курорте для сгущения соляного раствора.

[^^^]

Этому событию посвящены также две статьи поэта.

[^^^]

Эпиграф – из стихотворения И. Тургенева «В дороге», ставшего популярным романсом.

[^^^]

Л. А. Д. – Любовь Александровна Дельмас (Андреева, 1879–1969), певица. Исполнение ею роли Кармен в одноименной опере Ж. Бизе произвело на поэта огромное впечатление.

[^^^]

Заключительные строки – неточная цитата из Нового Завета.

[^^^]

Цикл вызвал восторженные отзывы А. Белого и С. Соловьева. Позже поэт Г. Иванов писал, что в этих стихах «Россия былины и татарского владычества, Россия Лермонтова и Некрасова, волжских скитов и 1905 года». Эпиграф к заключительному стихотворению – из стихотворения В. Соловьева «Дракон».

[^^^]

Эпиграф – из популярного цыганского романа-са.

[^^^]

Блок писал, что это «бессознательное подражание эпизоду из „Воскресения“ Толстого: Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне Нехлюдова на бархатном кресле ярко освещенного купе первого класса».

[^^^]

М. П. Иванова (1873–1941) – сестра друга поэта
Е. П. Иванова и близкая приятельница матери
Блока...

[^^^]

желтые и синие, в зеленых... – Цвет соответствовал классу вагонов, *зеленый* – третий, «НИЗШИЙ».

[^^^]

Обращено к Л. Д. Блок.

[^^^]

Здесь отразилась надежда поэта на новое «великое возрождение» России.

[^^^]

Ектеня – раздел православного богослужения.

[^^^]

Орарь – длинная лента, перекидываемая дьяконом через плечо.

[^^^]

Не шеломами черпают Дон – образ из «Слова о полку Игореве».

[^^^]

Бунчук – конский хвост на древке, знак власти у польских и украинских гетманов и турецких пашей.

[^^^]

Белый цвет служил у символистов знамением грядущего преображения мира.

[^^^]

Дни войны и дни свободы – период русско-японской войны 1904–1905 гг. и первой русской революции.

[^^^]

Первая адресована *М. И. Бенкендорф* (Закревской), вторая – *Л. А. Дельмас*, которой в этой книге посвящено несколько стихотворений.

[^^^]

Написано для альбома сотрудницы Пушкинского Дома Е. П. Казанович.

[^^^]

Тайная свобода – из пушкинского стихотворения «К Н. Я. Плюсковой».

[^^^]

С белой площади Сената. – В то время Пушкинский Дом помещался в главном здании Академии наук, почти напротив Сенатской площади.

[^^^]